

Алексей Албаров

Каоэль

Алексей Албаров

Каоэль

«Автор»

2026

Албаров А.

Каоэль / А. Албаров — «Автор», 2026

Действие происходит в Междумирье. Героиня потеряла память, ее узнает одна из членов отряда и берет с собой. Она попадает в мир средневековья. И постепенно начинает подниматься по властной лестнице. В силу своих способностей и характера оказывается в высшем эшелоне власти этого мира. Но это жестокий мужской мир.

© Албаров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Замок	5
Глава 2. Катька – эльф	10
Глава 3. Заноза для начальства	14
Глава 4. Любовь и лошади	18
Глава 5. Труба зовёт, солдаты в поход	22
Глава 6. Первый бой	27
Глава 7. Второе зрение	32
Глава 8. Зуб в горном узле	36
Глава 9. Комендант замка	41
Глава 10. Колхоз	45

Алексей Албаров

Каоэль

Глава 1. Замок

Каоэль

Роман фэнтези

Прелюдия

Если вы думаете, что космический вакуум – пустота, то сильно ошибаетесь. Он весь заполнен разными частицами, несущимися с бешеными скоростями.

Когда Великий Творец начал создавать Мир, он запустил гигантское веретено, на которое начали наматываться частицы, образуя первоматерию. Постепенно образовалось нечто похожее на гигантский вращающийся диск.

Катастрофа! Оторвались огромные куски и устремились в полёт.

Вдогонку за ними устремились щупальца, похожие на пожарные шланги. Внутри их были тоннели и лакуны, ограниченные участками с входом и выходом. А под ними был свой мир, по которому проходили тоннели с суицим, дающим энергию этой системы.

Там, где этот шланг достигал куски первоматерию, образовывались многочисленные тоннели и лакуны, соединяющие шланг с вновь образующимися планетами. Но уже не строго выстроенные в линию, а в виде сплетений. По мере образования систем всё это ещё более перемешивалось, лакуны были соединены с друг другом не последовательно, а как получилось. Многие имели не двое ворот, а несколько, соединяясь через них с другими лакунами, и образуя выходы в мир систем, на планеты.

Даже время в разных лакунах начинало течь по-разному.

Так возникли междумирье – соединяющие мир шланга с планетами систем.

Предвидя будущее, Творец наложил запрет на взрывы в шлангах, этот запрет действовал и в междумирье, лишив обитателей огнестрельного оружия.

Часть I. Кто я

По одной из лакун двигался смешанный отряд, часть на конях, часть пешком. Они вошли в посёлок, окружавший Храм. На площадке перед Храмом хорунжий скомандовал:

– Парни ставьте палатки, девки чистить лошадей, Ефимыч и десятские проследите.

Спрыгнул с лошади, и с человеком в штатском они вошли в Храм.

Парни ставили палатки, девушки чистили лошадей. Сразу стало ясно, что опыт обращения с лошадьми у них разный. Одна из девушек никак не могла справиться, лошадь отступала, не давая ей чистить себя скребницей. Более того, она начала напирать на соседнюю лошадь, привязанную рядом к коновязи.

Из толпы местных жителей, глазевших на приезжих, вышла девушка. Она была чуть ли на голову выше местных, на голове только начали отрастать волосы, одета в хитон, более похожий на старый мешок с дырками для головы и рук.

Она легко успокоила лошадь, забрала скребницу и начала растирать её.

Одна из командиров десятков Дарья, окликнула ее – Катерина.

Но девушка никак не реагировала. Дарья обратилась к уряднику:

– Ефимыч, я ее знаю, она в учебном лагере была в моей десятке. Может, заберем её с собой.

Хорунжий и сопровождающий вышли из Храма.

– А что скажут местные.

Сопровождающий вновь вошёл в храм, через некоторое время он вышел.

– В храме сказали, что она пришла, при прохождении немного обгорела, живёт при Храме. Ничего не помнит. Они не против, если мы её заберём, при условии, что она пойдёт с нами добровольно.

Он помолчал и добавил – Тем более она на местных совсем не похожа.

Миновав ещё пару лакун, отряд вступил в следующую лакуну Греандо. Особенностью её было то, что вход перекрывала крепость.

Отряд пропустили через крепость и велели разбить лагерь на отдых.

Уже на следующий день их присоединили к другому отряду, теперь командиром был сотник, добавилось начальство: второй хорунжий, урядник и старший урядник.

Им выделили двух местных сопровождающих – проводников, и они двинулись дальше. Через четыре дня они подошли к достаточно большому замку.

Глава 1. Замок

Так как я узнала Катерину, то мне хорунжий и поручил её:

– Твоя знакомая, вот и разбирайся с ней.

Мы продвигались по новой лакуне, слева возвышалась горная гряда, справа лес и заброшенные поля и деревни. Впереди за лесом стала видна башня. Разведка доложила, что ворота замка не охраняются. Отряд быстро занял его. В нём захватили человек тридцать местных жителей, в основном женщин и детей.

Проводники посоветовали мужчин заковать в кандалы, помогли их найти и в целом освоиться в замке.

Замок был большой с двумя рядами стен, за внутренними находился сам замок с высокой башней – донжоном, а между стенами постройки и конюшни.

Наши женские десятки разместили в помещениях между стенами, рядом с конюшнями. Лошади были мелкие, поэтому конными были десятки девушек. На четырёх лошадях покрупней ездили начальники.

Нам поручили охрану стен, ворота охраняли парни.

Нам поручили охрану стен, ворота охраняли парни.

Катя первое время только спала и ела вместе с моими девчонками. Работой её нагружал урядник Ефимыч, он отвечал за хозяйственные дела, под его началом были и местные. Вот Катя и работала вместе с ними, ещё Ефимыч поручил ей ухаживать за гужевыми лошадьми.

Но она начала проявлять интерес к обращению с оружием. Достаточно быстро разобралась с арбалетом, стреляла из него метко, главное, быстро перезаряжала. С шашкой повозилась дольше, она как будто была для неё непривычной. Но затем и с ней научилась обращаться хорошо. Таким образом, она стала полноправным бойцом моей десятки. Даже стала помогать мне учить других девчонок обращаться с оружием.

Этим очень мне помогала, так как замок наш, был типа перевалочного пункта. Постоянно подходили новые отряды, оставляли у нас необученных, забирали тех, кто уже умел обращаться с оружием.

Постепенно Катя начала разговаривать, причём не только по-нашему, но немного и на местном языке, она же постоянно общалась по работе с местными.

А потом начались чудеса, Катерина начала предсказывать опасность. Но это уже её история.

Проснулась, меня разбудил едва слышный вой. Разум медленно просыпается, как будто всплывая навстречу зову серого брата, ау-аау-ару. Анхаар, это же призрачный брат. Его песнь предупреждает об опасности. Поставь уши торчком, весть о близкой опасности. Опасность близкая, но враг ещё не прыгнул. Быстро собираюсь, малый зуб, большой коготь. Шип в шипоплюй и выскальзываю из норы. Вверх по сайру на гребень стоари. На расстоянии в полтора прыжка, прислонившись к внутренней стоари, сидит сестра, она сладко посапывает. За нера-

дивость хотелось подойти и укусить её. Но враг, нет, их много, и они уже близко, отхожу в тень. За мной выскользнула ещё одна сестра, она направляется ко мне.

– Ка, что с тобой? Идём спать.

Она демаскирует меня и закрывает обзор. Нагибаюсь, кладу шипоплюй, распрямляясь, наношу ей удар. Подхватываю, чтобы не было шума. Укладываю в тени, чувствую, что уже скоро. Вот и он, враг подтягивается и вползает на стену. Надо подождать. Он что-то делает. Потом тихо идёт к сестре у стены. Шип нашел его, он упал на спящую сестру, она вскочила и заорала. Шип в шипоплюй. На стену выполз ещё один. Стреляю. Выползают ещё. Я перезаряжаю. Он кинулся к первой девушке. Я зарядила арбалет. Но выбрался ещё один. Он кинулся к нам. Я выстрелила. Девица рядом шмыгает носом, у неё в руке только малый зуб. Я быстро передаю ей большой ногой.. шашку и перезаряжаю арбалет.

Первая девушка падает. Враг повернулся к нам. Уже залазит следующий. Враг кинулся к нам, подняв топор. Выстрелила. Перезарядить не успею, в прыжке, перекувырнулась и перехватила падающий топор. Девушка с трудом отбивалась шашкой от меча мужика. Лёжа вытянулась и рубанула его по ногам. Откатилась и встала на ноги. На стене было уже трое мужиков. Один шёл на девушку с шашкой, а двое на меня. По внутренней лестнице поднимались братья. Мужики кинулись к верёвке, двое успели соскользнуть вниз, третьего рубанул подбежавший брат. Опасность стаи миновала, я подошла к девушке, забрала у неё свою шашку, подняла арбалет. Голова закружилась, на глаза напал туман. Нет, что-то ещё, да колчан с шипами, я перекинула колчан через плечо. Теперь всё. Я дошла до своего логова, легла и закрыла глаза.

Прошло несколько дней. Сквозь сон слышался вой, волк. Нет здесь волков. Только что-то мелкое, но оно не воеет, а тявкает. В голове всплыло шакал, может собаки одичали. Да здесь и собак вроде нет. Я проснулась, вой прекратился, тихонько встала. И пошла к двери, коснулась её и оказалась на башне. Башня соединяла две стены одна повыше, другая пониже.

Я села. Через несколько минут на стену пониже выскользнула тень и скользнула в темноту под башней, на которой я сидела. Потом заскользили ещё тени. Они быстро и беззвучно скользили по балюстраде стены. Часть из них спускалась со стены во внутренний дворик, другие появились на моей башне. Я хотела вскочить, закричать, но не смогла, какая-то рука сжала горло, сидела и смотрела. Тени прошли рядом со мной, но меня не тронули. Я повернулась и увидела, как двое подняли один лук, другой арбалет. Выстрелили одновременно, девчонки, стоящие на внутренней стене, упали. Рука отпустила моё горло, я вскрикнула и проснулась. Лежу на своём топчане, вокруг меня собрались девчонки. Я встала и пошла на башню, закрыла глаза и сосредоточилась, по освещению и теням поняла, что сейчас примерно три часа ночи.

Мы дежурили две ночи, все было спокойно. После первой ночи на меня начали коситься. На третью ночь девчонки смотрели на меня же явно враждебно, да и число дежурных уменьшилось.

Сидела на башенке, рядом спала Ленка – одна из девчонок нашей десятки. Мои глаза тоже слипались, я же практически не спала две предыдущие ночи. Перед глазами всплыла открытая пасть серого брата, я открыла глаза. Опять тихий вой, или мне показалось. Проверила арбалеты, свой, Ленкин и запасной, все три заряжены. Поглядела на нижнюю стену, там скользила тень. Вот она перебежала стену, закрепила и опустила верёвку во внутренний дворик. Что-то звякнула на нашей башне, закинули крюк, потом второй. Если девчонки ушли из дворика между стенами или заснули. Вскинула арбалет, человек, начавший спускавшийся во дворик, мешком полетел вниз, слышался глухой удар. Я зажала Ленке рот и трянула, сунула ей в руки арбалет, заряжай. Она успела зарядить, когда на нашу башенку выскочил первый воин. Потом ещё двое, арбалеты щёлкнули три раза, раз за разом, но на башню уже поднялись новые двое. Успели перезарядить только один арбалет. Я выстрелила практически в упор. Бежавший на меня воин с топором в руках упал почти у моих ног. Я повернулась, Ленка отбивается от второго с трудом, долго она не продержится. На башенку поднималась очередная пара, я схва-

тила топор и метнула в подбегающего воина, он успел отразить топор мечом, но потерял доли секунды. Мне их хватило, чтобы метнуть нож в Ленкиного противника. С шашкой встретила третьего, он отбил колющий удар вверх, и пропустил рубящий. Он был только ранен, а на меня уже надвигался, тот, в которого я кинула топор. Он с мечом, у меня шашка, в короткой схватке мне удалось вонзить в него шашку, но выдернуть её не удалось. Ленка атаковала врага, раненного мной. На башенку ещё поднимались солдаты. Быстро скользнув вперёд, успела подхватить лежащий на полу большой нож, одного из убитых. Распрямившись, я отразила направленный в меня удар, ушла в сторону. Если у меня была шашка, то был бы ещё какой-то шанс. Сейчас против троих никаких шансов не было. Вспомнила слова гагуна – двигайся легко, танцуй. Надо начинать смертельный танец, нельзя ввязаться в плотную схватку, драться можно только с одним, ну с двумя, а третий зайдёт сзади или сбоку и ударит с удобной позиции. Надо двигаться, нельзя пропустить кого-либо к Ленке, она может справиться с раненым и тогда поможет мне. Если кто-то проскользнёт к ней, ей конец, а потом и мне.

Пока меня выручал, их страх, видя трупы своих, они боялись, активно в бой не шли. Вот один пропал из поля зрения, где он? Двое других кинулись на меня, но как-то странно, это дало мне шанс, я рубанула одного из них.

Он только ранен, второй бросился мимо меня к краю башенки и полетел вниз. Быстро огляделась, остался только тот, что дрался с Ленкой, но вот он дёрнулся и упал. Я оглянулась, девчонки с внутренней стены прикрыли нас, расстреляв их из арбалетов. Ленка опустилась на пол.

Метнувшись к арбалетам, один кинула Ленке, перезаряжай. С заряженными арбалетами осторожно подходим к краю башенки. Всё закончилось. Ленка тяжело опускается на пол. У меня кружится голова – сосредоточилась и подавила головокружение. Схватка продолжалась несколько минут и закончилась около четырёх часов утра.

Утром, умывшись и почистив одежду, собрались в столовой, подошла Варвара командир другой десятки, поблагодарила меня, девчонки во дворе, конечно, спали. Если бы тот первый не грохнулся во двор со всего маха, их бы спящих зарезали. Потом что-то обсуждали, рассказывали, подошло начальство, выразило благодарность.

Проспала до обеда следующего дня. Проснулась, рядом была девчонка, она так быстро убежала, что даже не заметила кто это. Пришла Даша. С тревогой глядя на меня, поинтересовалась, как я себя чувствую.

Ответила, что нормально, Даша страшно обрадовалась, обхватила меня, прижалась, начала целовать.

– Ты чего? – Спросила я.

– Я так боялась, что ты опять впадёшь в это состояние. - Улыбаясь сквозь слёзы, сказала она.

Спустилась в столовую, девчонки принесли поесть.

– Ка, ну ты даёшь.

Потом повели меня выбирать трофеи.

Выбрала кинжал, рукоять была простая деревянная, но лезвие из хорошей стали. Вспомнила, как метнула свой нож, посмотрела и нашла набор метательных ножей, подумала ещё про топор, но ничего подходящего не нашла.

После этого Даша начала брать меня с собой в патрулирование территории. В одну из таких поездок мы ехали по лесной дороге.

Вдруг на меня накатило. Тихонько завыл волк. Опасность! Я выплываю из какого-то тумана, очень нужно сосредоточиться, что-то надо делать. Глаза ничего не видят, я же их зажмурила, покачивание, что-то хлестнуло по лицу. Я на несколько секунд задержалась, прижимая ветку к лицу, спасибо зелёный друг, они на деревьях впереди. Открыла глаза, мы едим по лесу, сейчас будет поворот, там опасность. Достая арбалет, он не заряжен. Отдаю команду

зарядить арбалеты. Высокая, светлая девушка останавливает коня. Она берёт мою лошадь за уздечку. Спрашивает.

– Что случилось?

– Надо зарядить арбалеты. – Повторяю я.

– Олеска, стой. – Кричит она: – Подожди.

Всадники впереди останавливаются.

– Ну чего тебе?

– Ка очнулась, она говорит: надо зарядить арбалеты.

– Да пошла ты, со своей чокнутой. – Она сжала бока лошади и двинулась вперёд.

Высокая девушка несколько секунд подумала и отдала команду.

– Заряжай.

Часть девушек остановились, начали заряжать арбалеты. Другие подъехали к повороту дороги и скрылись за ним.

Я увидела тень, которая сверху прыгнула на девушку у поворота, выстрелила. Что-то подтолкнуло, заряжай. Перезарядила и опять выстрелила в крону дерева. Девчонки вокруг, тоже начали стрелять, а потом с шашками наголо поскакали вперёд.

Перезарядила арбалет и тоже поехала вперёд.

Сразу за поворотом тропы лежала девушка, подальше ещё две. Что-то сверху, я выстрелила, ломая ветки, с дерева упал человек с луком. Я спрыгнула с лошади, подошла, он не шевелился.

Подошла девушка, в руках её была шашка в ножнах. Я вытащила шашку из ножен и несколько раз взмахнула. Шашка хорошо пришлась к руке. Я достала и взмахнула своей шашкой, хуже. Я уже хотела поменять шашки. Перед глазами замелькали картины, я сражаюсь с кем-то двумя мечами, попробовала, получилось хорошо, протянула руку за ножнами.

Девчонка заговорила.

– Это же Анютина, семейная, надо отдать её родным.

Высокая девушка, в голове щёлкнуло, её зовут Даша, сказала.

– Если бы не она, мы бы сейчас все здесь лежали. Отдай.

Минута молчания, потом девчонки загалдели. – Отдай.

Она протянула мне ножны с перевязью. Я повесила шашку.

Девушки что-то собирали, привязывали к лошадям убитых. Потом мы поехали.

Девчонки собрали у убитых бандитов трофеи. Среди них была серебряная цепочка, с кулоном в виде каких-то листиков. Девчонки примеряли, но быстро снимали. Через некоторое время принесли мне. Странно цепочка показалась мне теплой, одела на шею, такое ощущение, что она как бы прилегла ко мне.

Почему-то девчонки смотрят странно.

После этого случая я уже не впадала в транс.

Глава 2. Катька – эльф

Каоэль 1 Глава 2

Глава 2. Катька – эльф

Я ничего не помнила до боя на стене. Вообще ничего. Только иногда в голове всплывали странные фразы. Значение одних приходило сразу, другие я мучительно пыталась разгадать, но так и не могла.

Как-то, глядя на статную, высокую Дашу, я поймала себя на мысли: «кровь с молоком». Кровь — понятно, из раны течёт. А молоко? Что это?

Девчонки к моим вопросам уже привыкли.

– Ну, это... корова даёт, – начала одна.

– Сама ты корова! – перебила другая. – Молоком детёнышей кормят. Вот родишь ребёнка – будешь грудью кормить, из неё молоко идёт.

Я нахмурилась, пытаюсь сопоставить факты:

– А кого корова кормит грудью?

Девчонки прыснули.

– Телёнка! Только у неё не грудь, а вымя, – сквозь смех ответили мне.

Я задумалась. И тут само всплыло: идиома. Почему кровь с молоком – это идиома?

– Девочки, а что такое «идиома»?

Они переглянулись.

– Чего?

– Кого?

Одна даже рот открыла от удивления. Я зажмурилась, и слово всплыло само, вместе со значением.

– Это устойчивое словосочетание, которое нельзя разделить... – пробормотала я, удивляясь сама себе.

– Ну, Ка, ты и даёшь! – только и выдохнула Сима.

Как-то раз одна из девчонок клянчила у меня соль или ещё что-то:

– Ка, ну Кать. Катька!

И меня словно током ударило.

– Катька-эльф, – выдохнула я.

– Чего?

– Меня так звали. Катька-эльф.

– А чё, фамилия такая — Эльф? – удивилась Нинка.

– Не знаю.

– Да нет, – вмешалась другая. – Эльфы – это существа такие, сказочные. Я их в кино видела.

– В кино? А говоришь – сказочные, – хмыкнула Нинка.

– Дура ты, Нинка! Кино было сказочное. Фантастика называется!

Тут неожиданно подала голос обычно молчаливая Кри:

– Эльфы – сказочный народ. У них острые уши, и они прекрасные лучники.

Уши... лук... Что-то больно кольнуло в памяти и зашевелилось, но так и не сложилось в картинку.

После этого девчонки иногда стали звать меня Эльфом, или чаще Эль.

Это точно не мой мир. Даша говорит, что я с Земли. Землю я не помню, иногда всплывают какие-то воспоминания, но, мне кажется это не Земля.

Я начала присматриваться к девчонкам, в основном они с Земли. Интересы у них очень простые быт, еда и парни. Многие гуляют с парнями из мужских десятков. На меня парни смотрят с опаской, девчонки говорят, что когда я была не в себе, ко мне пытались пристать парни, так я двоих так отделала. Один даже к лекарю попал. С оружием они тоже обращаются по-разному, только трое или четверо хорошо, другие не особенно. Даша их гоняет, но учатся они плохо. Я постепенно начала помогать Даше, иногда даже давала ей советы. Скоро поняла, что часть девчонок гоняют лодыря, а у некоторых просто не получается. Я начала помогать тем, у кого не получалось, в том числе трём девчонкам Ленке, которая была со мной в схватке на стене, Симе и Кри. Она, вообще-то, Кристина, но все её зовут Кри. Немного погодя я поняла, чем Ленка и Кри отличаются от других девчонок. Другие были как бы проще. Эти двое отличались даже при разговоре, в особенности Кри, хотя она в основном старалась молчать.

Однажды, когда я занималась с Ленкой и Кри отработкой ударов, к нам подошли две девчонки и принялись отпускать ехидные комментарии.

Ленка вспылила:

– А вы сами давно коровам хвосты крутили?

– Городская, культурная, да? – огрызнулась одна.

Слово за слово. Сима попыталась их разнять, но на неё тут же набросились:

– Ты чё, тоже культурной стала? Давно ли навоз кидала? Тебя ведь от дороги забрали!

– А ты там не стояла? – неожиданно жёстко парировала Сима. – Или, может, дальнобойщицы тебя не брали?

Девушка, побагровев, двинулась на Симу, но вторая схватила её за руку.

– Ладно, хорош. Всех нас отсюда сюда загребли. Чего уж теперь...

Я шагнула вперёд и отчеканила:

– Так. Кто полезет драться — получит взбучку от меня лично. Всем всё ясно?

Девчонки, зло зыркнув, ушли.

После этого случая Кри начала разговаривать со мной. Она рассказывала мне про Землю, деревни и города. Литературу и культуру. Телевизор, машины и самолёты. Огнестрельное оружие, пушки и ракеты.

Объяснила, что в России сейчас очень трудно, особенно в деревне. Девчонки, да и ребята попадают в руки бандитов, а те их продают, в том числе и сюда в солдаты. Деревенских им обмануть проще, вот их здесь и больше, хотя и городских дур хватает. Это кажется она про себя.

Сказала, что у меня, скорее всего, амнезия. Она часто бывает вот такая, что-то помнишь, а что-то нет. Чаще всего люди не помнят кто они и откуда.

Это всё не вызывала во мне отклика, какие автоматы и ракеты, я хорошо помнила, что воюют копьями, мечами, а стреляют из луков и арбалетов.

У Ленки был парень. Они стояли во дворе у башни, о чём-то разговаривали. Я посмотрела на них и... зажмурилась. Перед внутренним взором тут же возник другой двор. Там, рядом тоже с башней, стояла я. Рядом со мной был парень – на полголовы выше, с волосами, собранными в пучок на затылке, точь-в-точь как у Ленкиного. Но его уши... они не были круглыми. Они уходили вверх плавными линиями и заострялись на концах. Так же, как у всех элров.

Вспомнила: мы тогда только что вернулись из боя. С дварфами.

Открыла глаза и пошла искать Кри.

– Кри, а на Земле есть элры?

– А кто это?

Я как смогла, описала элра.

– Это эльф. Их на Земле нет. Может, ты видела их здесь, говорят, что они в лакуне Грэндо встречаются.

Описала ей дварфа.

– Это что-то среднее между человеком и гномом. Эль это всё фантазия, на Земле их нет. Нет. Значит, я не с Земли.

Ночью приснилось, он напоролся на мою царгу – это небольшое копьё с перекладиной. Рванулся вперёд, пытаюсь достать меня своим жутким молотом на длинной рукояти. Вдавила древко в землю, превратив его в упор. Дварф захрипел, насаживаясь глубже до самой перекладины – остриё, наверное, уже вышло из спины. Но он только оскалился в жуткой, перекошенной улыбке. Поняла почему: молот в его длинной руке, сейчас достанет меня. Но, не могу бросить копьё, иначе он всё равно дотянется молотом до меня. А меч я просто не успею вытащить.

Его рука взметнулась для удара... и дёрнулась. Замерла. Из его глаза наискось торчало оперение стрелы. Стрелы Ореэла. Я облегчённо выдохнула, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Проснулась и вспомнила мысль, мелькнувшая до этого, что дварф был похож на медведя, насаженного на рогатину, только лапы у него оказались сильно длинными.

Утром нашла Кри.

– Кри, а медведи на Земле есть?

– Да.

– А с рогатиной на них охотятся?

– Когда-то давно охотились.

Так может, я всё же с Земли.

Ночью мне опять приснился мой остроухий Ореэл. Он стал моим в ночь после этого жуткого боя с дварфами. Когда ласки закончились, я спросила его. – Кто я?

– Ты моя маленькая звёздная Ри.

Проснулась, чётко всплыло я асия Ри. Плотно смежила веки, картина – двор, мы стоим на коленях, перед нами высокий, стройный мужчина с хвостом серебристых волос. Уши у него заострённые, но не такие вытянутые, как у эрла. Это арг, потомок серебряных драконов. Он наш гагун, наставник, а мы его асии-послушники. Гагун, в мозгу всплыло это гуру – учитель. За его спиной башня, над входом в неё изображение серебряного дракона. За его спиной в полупоклоне стоят старшие асии. Я стою в первом ряду перед ним, потому что я асия четвёртой последней учебной ступени.

После этого начали мелькать и другие воспоминания. Иногда они приходили во сне, иногда что-то находило, я закрывала глаза, и перед ними вставали картины. Чаще всего снилось, что я Ри – асия четвёртой ступени. Как я поняла, из снов и видений, это был старший уровень подготовки. Я уже командовала и учила асий второй и первой ступени.

Вспомнилось, что я была среди послушниц на хорошем счету, быстро достигла четвёртой ступени.

Реже вспоминала себя асией третьей ступени, в связи с Ореэлом, именно тогда, он меня спас, убив дварфа. Стал моим другом. Мы были с ним вместе почти год. Почему расстались, не помню.

Первая ступень асий практически полностью состояла из торингов, это практически те же люди. Хотя я немного от них отличалась, но всё равно тоже считалась торингом. Это были молодые ребята и девушки.

Я не помнила ничего до того, как я попала к гагуну. И даже там, в башне помнила себя только с третьей ступени. Почему? Ведь я тоже должна была пройти первые ступени.

Хорошо в замке дел было по горло, уставала жутко и тогда спала без всяких снов. Я помогала Даше, девчонкам и Ефимычу. Одной из причин стал интерес, который у меня появился к «бобригенам». Их так звал Ефимыч, вначале думала, что их так зовут, потом поняла – это он

так переделал слова аборигены. Старалась пообщаться с ними подольше, не только во время работы – понемногу учила их язык.

Появилось желание больше узнать об этом мире, как на их языке называются животные, деревья и прочие. О простых вещах они рассказывали, но как только доходило до отношений между людьми или о последних событиях, они замолкали.

Наши практически ничего не знали об этом мире: было вторжение, какие-то огры и гоблины. Но кто они, что из себя представляют? Откуда взялись?

Мы пришли помогать, но кому? И если помогать, то почему практически всех местных мы рассматриваем как врагов.

Однажды я руководила местными, которые разбирали старый сарай, с крыши сорвалась доска и шарахнула меня по голове. На несколько секунд потеряла сознание. Потом моё зрение как бы раздвоилось, с одной стороны я сижу рядом с сараем, с другой – лежу на земле. Ко мне кинулись люди Катя, Катька, Эльф, ты как. Меня поддерживают, чтобы я не упала, и одновременно кричат: не трогайте её, пусть лежит. Больше всего меня поразила разная растительность, мне и раньше казалось, что здесь она какая-то не такая, сейчас я видела рядом разные деревья и кусты. Дело было не в том, что они разных пород, но даже цвет и его оттенки были разные. Зажмурила глаза, когда открыла вокруг двор замка. Закрыла, я лежу в парке, вокруг ребята и девочки с мечами, топорами, копьями, луками и прочим, но это всё не настоящее.

Мне что-то принесли, я закрыла глаза и сказала.

– Не мешайте.

Передо мной мелькали картинки, и я вспоминала.

Я жила вместе с бабушкой Ларисой или Ларой, тётёй Алёной, её мужем Олегом и их сыном Валеркой. Раньше с нами жили дядя Кирилл и Клава, но Кирилл женился и переехал в новую квартиру, Клава вышла замуж и тоже уехала. Ещё с нами жил дедушка Жора, но он умер.

После перевода книг Джона Толкина на русский язык начался бум, образовалось много последователей – толкинистов. Обычно формировались группы ребят, которые играли вместе. Чаще всего мы собирались в Нескучном саду. В одной из таких ватаг активное участие принимала и я. Мы сами делали себе мечи, щиты, доспехи и другие аксессуары. Олег – муж моей тётёи Алёны помог сделать хороший лук, я научилась из него неплохо стрелять, за что получила прозвище эльф. Так как меня звали Катя, и были другие ребята с кличками эльф, то чаще меня звали Катька-эльф.

Устраивали сражения, игры, в общем, кто что изобретёт. Поворотным моментом для меня стал удар мечом, который я получила по голове. Нет, сам удар не вызвал глобальных изменений в моём мозгу, зато способствовал знакомству с Артуром по кличке Следопыт. Мы и раньше иногда пересекались с его ватагой, но это были случайные встречи.

Ударили меня по голове основательно, до крови. Вызов скорой помощи, автоматически привёл бы к появлению милиции, которая к нам и так не питала любви, и далекоидущим последствиям.

Ватажники кинулись за помощью к соседям, ими оказалась ватага Следопыта.

Следопыт остановил кровь, вызвал откуда-то машину, отвёз меня в травм пункт, где у него был знакомый врач, а затем домой.

Мои воспоминания прервал Ефимыч.

- Ну, ты чего, может тебя к лекарю?

Я отказалась, крови не было, только шишка вздулась. Опять закрутилось прежняя жизнь. Но теперь я хотя бы точно знала, что меня действительно зовут Катя или Катька – эльф, и я с Земли.

Глава 3. Заноза для начальства

Глава 3. Заноза для начальства

Как-то во дворе замка увидела, как мужская десятка под руководством урядника, учится обращаться с копьями. Видя их неуклюжесть, я засмеялась. Урядник обиделся и закричал.

– Чего смеёшься, сама попробуй.

– Хорошо. – Ответила я, взяла копьё у одного из ребят и показала несколько приёмов.

Потом предложила.

– Пусть кто-нибудь атакует меня.

Сначала на меня напал парень с копьём, потом с шашкой, я успешно отбивалась.

Показала им некоторые приёмы боя с копьём.

Когда отдала копьё и собралась уходить, ко мне подошёл их хорунжий.

– Как фамилия, из какой десятки?

– Катя, из десятки Даши.

Он поморщился.

Через два часа меня вызвали к нашему хорунжему. Он сказал, что я поступаю в распоряжение господина хорунжего Обратова. Так я стала инструктором по бою с копьём.

Вскоре к нам прибыло подкрепление, из казачьих станиц были две девчонки и парень. Ещё трое парней и две девчонки, немного умели обращаться с оружием, остальные были совсем зелёные. Хорунжий распорядился, пополнить десятки и сформировать ещё одну десятку парней, во главе с новым парнем из казаков, и одну десятку из девчонок, также во главе с казачкой, но из нашей десятки.

От нас ушла казачка Ксана, а к нам добавили пять девушек, в том числе одну казачку, которая стала замом Даши вместо Ксаны. Новые четыре девочки с оружием обращаться практически не умели, рубиться шашкой их учила Даша, а учить стрелять из арбалета она поручила новой казачке.

Меня опять погнали к парням, отрабатывать основные приёмы обращения с копьями. Я занималась с парнями, помогала Ефимычу и не очень следила, что происходит у нас.

Однажды я вечером пришла в нашу комнату и увидела двух новых девчонок зарёванными, ещё несколько бросали друг на друга сердитые взгляды. Расстроенная Дашка, отвела меня в сторону и попросила заняться с девчонками стрельбой. Одна из новеньких, чуть не всадила болт себе в голову. Новая казачка объявила, что они годны только к тому, чтобы ублажать мужиков. Двух наиболее бестолковых, по её мнению девчонок, даже попыталась отдать – «на воспитание» в мужскую десятку.

Хорошо, подошла Дашка и загнала всех в казарму.

– Кать, ты же у нас эльф, поучи девчат стрелять.

Со следующего дня я начала заниматься с девушками, выяснилось, что они вообще плохо представляют, как обращаться с арбалетом, единственно чему их учили, это вставлять болт, натягивать пружину, и стрелять. Я объяснила им, как устроен арбалет, показала, как его разбирать и собирать, и заставила их тренировать. Одна из девчонок спросила: – когда будем стрелять.

Я ей ответила.

– Когда с закрытыми глазами разберёшь и соберёшь арбалет, тогда и буду учить стрелять.

На вопрос «зачем» объяснила, в походе ещё хуже в бою, арбалет может заклинить, за ним надо ухаживать, его надо чистить и смазывать, для этого надо уметь его быстро разбирать и собирать. А с завязанными глазами, потому что, возможно, это придётся делать в темноте,

ночью или в тёмном помещении. Через пару дней трое из них уже довольно быстро выполняли эти упражнения.

У четвёртой, моей тёзки Кати, ничего не получалось, что-то перекашивалось.

«Господи, опять прищемила пальцы». Дашка сказала, что ей даже учебную пашку давать страшно, кашевар из неё тоже никудышный. Катя реально могла стать общественным ковриком в мужской казарме. Жалко, девчонка, в общем, то она была нормальная. На свой страх и риск дала ей задание, посчитать, сколько надо продуктов для людей и лошадей на месяц. Катя была городская, но переговорив с ребятами, узнала про корм для лошадей, заодно выяснив, что если не накопить его в ближайшие дни, то потом может быть поздно. За пару дней оценила ежедневную потребность и всё посчитала. Кроме того, она опросила девчонок и выяснила, что в окрестностях можно использовать в пищу. Нам питание присылали, но не регулярно, уже были случаи, когда приходилось класть зубы на полку, поэтому девчонки, да кое-кто из парней уже интересовались местной продуктовой базой. А корм для лошадей мы целиком добывали сами.

Я пошла к Ефимычу, он был человеком хозяйственным и солидным. Ходил он неспешно, но ступал тяжело – сразу слышно хозяин. За дело он болел, и всё видел. Даша про него сказала – У него глаза «приметливые».

Из-за чего часто спорил с офицерами.

Осторожно высказала предположение о корме для лошадей и его заготовке, да и подсобные запасы пищи для людей, сколько здесь проторчим – не известно. Ефимыч почесал бороду, побряктел, сплюнул в сторону и выдал:

– Дельная мысль, однако. Не бабским умом пахнет.

Нормально он воспринял и предложение поставить мою тёзку Катючку учётицей продуктов и фуража.

– Дельная, говоришь, давай попробуем.

На следующий день он отдал приказ собрать команду из ребят и девчонок, кто умеет косить, и отправил с ними Катючку на заготовки сена.

Вскоре нас с Ксанкой вызвал хорунжий и объявил ей, что она возвращается замом к Дарье, а десятку пусть сдаст мне. Я пыталась, что-то объяснить, но он зло поглядел на меня и сказал, что ему некогда глупости выслушивать, – «ишь, слишком умная, иди принимай девок».

Ксанка, с одной стороны, была расстроена, но с другой – почувствовала облегчение. Как я поняла, она не смогла наладить нормальные отношения с девушками, и всё пошло наперекосяк. А новая заместительница Даши явно не справлялась, да и отношение у неё с девчонками были натянутые.

Десятка была укомплектована в основном новыми девушками с Земли, не имеющими опыта обращения с оружием, не говоря уж о боевых действиях. Поэтому свободного времени у меня совсем не было. Даже моё производство в десятники прошло практически незаметно, мы его совместили с обмыванием производством Даши в урядники. Теперь под её рукой были три девичьи конные десятки.

Оказалось, что наше с Дашей повышение не всем понравилось. Кроме меня все остальные десятники были из казаков и казачек, урядники тем более. Ещё раньше, я поняла, казаки тоже были разные, «истинные» и не очень. Все офицеры и урядники были из потомственных «истинных» казаков. Даша была не из потомственных казаков. Как-то раз я слышала, как одна из этих «истинных» казачек вслед Даше прошипела «подзаборка».

Недели через две, я со своей десяткой в первый раз участвовала в патрулировании. До этого я была одним из бойцов, отвечала только за себя. Теперь у меня в подчинении были другие, я отвечала за них. Поэтому постаралась лучше узнать об окрестностях Замка. Даже расспрашивала местных жителей.

Наш Замок по величине считался средних размеров, он имел внешние и внутренние стены. Внутри располагались донжон, жилые и служебные помещения. Между стенами тоже были помещения, там обычно располагались дежурный отряд, и была конюшня. Замок располагался в предгорьях. Примерно в километре от него начиналось заросшая лесом долина, переходящая в ущелье. В начале ущелья был ещё один небольшой замок, треугольник стен и внутри башня. Он был заброшен.

В другую сторону от замка расстилались поля, которые никто не обрабатывал, а километрах в трёх была деревня, но она тоже была заброшена.

В окрестностях иногда появлялись местные жители, часть из них наши ловили и передавали Ефимычу. Иногда появлялись вооружённые банды, их мы должны были уничтожить. Ходили разговоры, что в горах ещё остаются остатки армии вторжения огры и гоблины.

Местные владельцы замков примкнули к орде огров, поэтому их частично перебили, частично изгнали. Кое-кто из них ушёл в горы.

Мы три раза выезжали на патрулирование, один раз в деревню и два раза в лес. Во второй раз даже заехали в заброшенный замок. Но никого не встретили. Дня через три снова заглянули в замок, опять никого. Но в замке явно кто-то побывал, в зале разводили костёр, в прошлый раз этих углей не было. Да и обгоревших костей каких-то животных тоже.

Доложила нашему хорунжему, предложила последить за заброшенным замком.

– Чего ты всюду лезешь. Тебе шо больше других надо.

Довольно часто я спорила с нашим хорунжим, отстаивая интересы девчонок, чувствовала, я ему не нравлюсь. В этот раз ничего не сказала.

Один раз они с сотником смотрели, как я провожу занятия. Сотник подозвал меня и спросил, зачем я рассказываю девчонкам лишнее, вместо того, чтобы просто их больше гонять и лупцевать. Я попыталась ему объяснить, а хорунжий сплюнул сквозь зубы и сказал.

– Ишь ты, слишком умная. Лучше бы нагайкой работала.

Несколько раз я ходила к сотнику вместе с Ефимычем по хозяйственным вопросам. Это тоже не нравилось хорунжему.

– Шо лезешь не в свои дела.

После нашего дежурства у меня стало больше свободного времени, девчонок немного натаскала, теперь занятия отнимали меньше времени. Я чаще стала беседовать с Кри и ещё одной новой девушкой с Земли Валентиной. С их помощью я восстанавливала память о Земле, культуре, литературе и прочем.

Ещё одним моим собеседником стал наш священник – отец Андрей. Он рассказывал о боге, святом писании, святых. Когда меня забрали, Даша надела на меня крестик, меня водили на службы. Но только когда я пришла в себя, и стала что-то соображать, со мной стал беседовать отец Андрей.

Однажды ночью после беседы с ним, у меня всплыло в памяти «каменный бог», он разговаривал со мной. Причём как-то странно, кажется, его слова рождались прямо у меня в голове. Вспомнила, он сказал, что я уже не в первый раз говорю с, я не разобрала слово, но поняла, он говорил про таких, как он. На следующий день я попыталась об этом поговорить с отцом Андреем. Но он строго заявил, что бог един, хоть и в трёх лицах. А каменные, это не бог, а идолы и наваждение. Мне показалось, что он что-то знает, но говорить не хочет.

Отец Андрей – мужчина лет сорока, был казачьим батюшкой. Шашку не носил, но ходил с посохом, который успешно мог заменить как дубинку, так и короткое копьё. Да и нож у него на боку больше походил на тесак. Тем не менее мне показалось, что знал он не мало.

Когда я сказала, что не могу вспомнить, как с Земли попала в эти миры, и где в них побывала. Он мне высказал одну интересную мысль, о том, что память человека иногда не даёт вспомнить моменты, когда ему было очень плохо. А здесь мало людей, которые попали сюда

по собственной воле. И зачастую им пришлось испытать много плохого. Может быть, и ты не помнишь, что очень больно вспоминать.

Так как, мне всё не терпелось сделать – как лучше, то, поговорив с местными, отправилась к Ефимычу, рассказала ему суть, как можно расширить заготовки местных продуктов и начать развивать сельское хозяйство.

– Ты, Катерина, как заноза в одном месте – вроде мелкая, а сидеть спокойно не даёт. Но правду говоришь. Ладно, уговорила. Пошли к сотнику.

Сотник сказал, что он подумает, но прозвучало это – как отстаньте от меня.

Глава 4. Любовь и лошади

Глава 4. Любовь и лошади

Память полностью так и не восстановилась. Теперь я знала, что я с Земли, но продолжались непонятные сны и воспоминания асии Ри.

Где я пропадала?

Даша сказала: «Пропадала из лагеря немного более года назад».

Но, воспоминания о мире асии – это явно несколько лет. Потом там ведь у нас не было лошадей, так где научилась хорошо обращаться с ними?

В соседнем деннике шептались – начали целоваться. А что было у меня на Земле. Кто вздохнул и тронул меня за плечо. Мы с Кри сидели в деннике, она убежала. Я предалась воспоминаниям, моя лошадь решила напомнить о себе, вдруг перепадёт, что-либо вкусное или хотя бы приласкают. Погладила её по морде.

Любовь и лошади, у меня это точно как-то связано. Я гладила морду лошади и вспомнила.

На новогоднем балу в школе я весь вечер протанцевала с парнем из параллельного класса. У него было звучное имя Ричард. Вначале у нас всё было очень романтично и платонически. Потом была весна, а у него родители куда-то уехали.

Это был выпускной класс. Наши прогулки при луне, походы в театры, музеи и прочие не сильно сказались на выпускных экзаменах.

Потом мы гуляли у Университета. Мы собирались в него поступать. Ленинские горы, удивительный вид на Москву со смотровой площадки. На неё приезжают свадебные кортежи, мы с Ричем мечтали, что также приедем сюда. Чудесный парк, спуск к набережной Москвы-реки. Иногда сидели в сквере у боцмана, так местные окрестили памятник Ломоносову.

И, конечно, высотка – главный корпус Университета. Говорят, строили заключённые, и один из них сбежал, улетев на листе фанеры за колючую проволоку. Вспомнилась поговорка: «Пролетел, как фанера над Парижем». Это мы с треском пролетели на вступительных экзаменах в Университет.

Что было дальше? Дядя Рича был какой-то большой генерал, он пристроил его в лётное военное училище в одном из поволжских городов. Так как мы не могли обходиться друг без друга, то я в лучших русских традициях приехала в этот город.

Правда, бабушка рассказала, что у неё тоже первая большая любовь был курсант лётного училища, но их разлучила война. Ещё она сказала, что для неё эта эпопея обернулась очень большими проблемами.

– Катя, может останешься в Москве. У меня плохое предчувствие.

Что такое бабушкино предчувствие – по сравнению с большой и светлой любовью, а потом приятно же ощутить себя декабристкой. Я отправилась в город Сатаров.

Мой любимый просил своего дядю-генерала устроить меня в какое-то военное училище связи, находящееся в этом же городе, но дядя отнёсся к просьбе прохладно. Наверно, сказался его жизненный опыт. Время было уже позднее. Единственным высшим учебным заведением, добирающим студентов, недобранных на вступительных экзаменах, был некий культурный институт со спортивным уклоном.

Институт культуры

Институт был местом очень своеобразным. Готовил он работников культуры в основном для сельской местности, для домов культуры, библиотек, ещё кого-то. Вспомнила: его диплом даже давал право преподавать, но только в младших классах.

Институт имел две основные базы: одну в городе и другую за городом.

Им уже много лет руководил Игнат Филиппович, дядька, похожий на маршала Будёного, по крайней мере – усами. Может быть, поэтому он питал большое пристрастие к лоша-

дям. При институте было большое подсобное хозяйство с огромными конюшнями. Как это было связано с культурой, не знаю. Но на меня произвело большое впечатление и укрепило мой выбор института.

Подсобное хозяйство института, официально оно именовалось «учебное хозяйство», а в просторечии «подсобкой», располагалось в посёлке, в трёх километрах от города. Здесь же проходила основная часть занятий студентов первого курса, тут же мы и жили в стандартной хрущёвской пятиэтажке-общежитии.

Особую часть «подсобки» занимали конюшни. Это был свой отдельный мир, с установившимися отношениями и иерархией. Директор не реже двух раз в неделю обходил конюшни, при этом казалось, что не то государь обходит свои владения, не то маршал делает смотр своим войскам.

Правда, на лошади его никто не видел.

Основная масса студентов, вернее сказать, студенток, была из деревни. Только на спортивном факультете парни составляли почти треть. На остальных существенно меньше, а на библиотечном – ни одного.

Учиться после московской хорошей школы, мне было легко. Моя любовь сидела в своих казармах, курсантов первого года практически не выпускали. Но любовь была ещё сильна, поэтому другие предложения мной тут же отменялись. Короче, делать мне было нечего, и я стала всё больше времени пропадать в конюшнях. Выяснилось, что в учебном хозяйстве был создан казачий центр, я тоже записалась. Учились выездке, джигитовке, обращению с шашкой, стрельбе и многим другим воинским наукам. Стрельбе, в том числе из лука и арбалета.

В конюшнях работало много секций, только по верховой езде было четыре разных, а ещё по фехтованию, и технические – по скорняжному делу и художественной ковке. В секции художественнойковки, учили не только выковывать подковы, но и подковывать лошадей.

Реально, всей работой в конюшнях руководил «Михалыч». Звали его Сергей Михайлович – старший наставник по верховой езде, но все его звали Михалыч, невысокого роста, энергичный, наверное, ему было за 60, но он успевал всюду.

Потом шли три деда, сколько им лет не знаю, но за семьдесят – это точно. Митрич – уход за лошадьми, Игнат Филиппович – ветеринар, Карпыч – фехтование.

У всех дедов характер был разный. Игнат Филиппович был похож на Кису Воробьянинова, в исполнении артиста Филиппова. Он страшно обижался, если его называли Филиппычем – только по имени-отчеству. Лошадей он любил страстно.

Митрич был среднего роста, полноватый, страшный матерщинник. Когда девчонки под его руководством чистили лошадь, им подробно объяснялось, кто они есть, откуда взялись и откуда у них руки растут, а также где им место.

Карпыч был из казаков, обучал нас фехтованию в основном на шашках, немного на кинжалах. Шутил: «Это чтобы вы ножом себя не зарезали».

Он из дедов, наверно, был самым старым, но двигался он превосходно. Был прекрасным танцором, и во время танца давал волю рукам.

Для меня он был ещё интересен тем, что мог свободно разговаривать по-французски, мы часто с ним говорили, а то ведь язык забывается.

Это дало толчок. Услышав, как мы говорим на французском языке, ко мне привязался Киса – Игнат Филиппович, он спросил.

– А немецкий язык знаешь?

Я и ляпнула:

– Да.

Он начал разговаривать со мной по-немецки. Как-то через месяц, он сидел за столом и выписывал рецепт на лекарство, за которым мне надо было съездить в ветеринарную аптеку. Выписал, внимательно посмотрел на меня и изрёк:

– Культурный человек должен знать латынь.

Начал меня учить латыни. Вначале мне не очень нравилось, но постепенно втянулась. Языки давались мне легко, поэтому к концу первого курса уже могла немного говорить на латыни, и достаточно бегло читать.

Как я поняла, Кисе особо делать было нечего, вот он и решил заняться моим воспитанием.

А мне это дало неплохое знание болезней лошадей и способов их лечения.

С лошадьми разобралась.

А знания в этом мире оченьгодились. И не только знание ухода за гривастыми, но и опыт обучения девчонок этому. Педагогика. Да и уроки Кисы помогают вовремя выявить заболевания и травмы лошадей.

Вскоре все мои подопечные девушки научились стрелять из арбалета. Хотя, конечно, хорошо стреляли только три девушки, остальные распределились от «нормально», до «палили в белый свет как в копеечку». Но заряжать арбалет умели все. Обращаться с шашкой реально могли только пятеро. Хорошо, хоть на лошадь умели садиться все.

В одно из патрулирований мы захватили восьмерых местных. Они были сильно напуганы. Рассказывали, что с гор спустился отряд огров и гоблинов. Мы с командиром второй патрульной десятки доложили начальству, я думала, что они отправят людей на поиски огров и гоблинов.

Начальство приказало усилить охрану замка и прекратить патрулирование.

Тогда я надела на вновь захваченных местных и от них немного узнала о чудовищах.

По их рассказам гоблины были ростом примерно с человека, но значительно массивней, голова как котёл, тело как бочка. Местные ростом были поменьше нас – мужчины примерно метр семьдесят, а женщины сантиметров на пять-десять меньше. Огры были огромные примерно в два или даже три человеческих роста, они могли на большое расстояние кидать большие камни. И те, и другие были очень свирепые; местные утверждали, что они убивали и ели людей.

Основным оружием и тех и других были топоры, молоты и разные дубины. Гоблины также использовали короткие копья, а некоторые огры были вооружены людскими двуручными мечами.

Поняла, почему местные боятся говорить об этих чудовищах, делая вид, что их не видели и не знают. Местные власти жестоко расправлялись с теми, кто даже по принуждению служил ограм. Вот местные и отрицали любые контакты с ними.

На третий день сидения в замке я предложила нашему хорунжему отправить меня и ещё пятёрку девушек на разведку.

– Ты, кто? Десятник, вот и десятничай. Лупцуй.

Он замялся,

– Общем, учи девок.

Так, я и десятничала, гоняла на плацу своих девчонок. Но свободного времени было много, поэтому помогала Ефимычу по хозяйству, общалась с местным контингентом.

Попыталась разобраться в местной структуре власти. Среди местных нашлись несколько бывших слуг, и паренёк лет двенадцати или тринадцати, который, похоже, относился к знатному сословию, что он и другие всячески отрицали. Они мне рассказали, что это княжество Роано, столицей его является город Лоагор. Княжество делится на яро. Правитель здешнего яро не то погиб, не то примкнул к орде. Яро, в свою очередь, делятся на таны. Местный тан примкнул к ограм и был убит – это его замок. Ещё есть рооны – это у кого есть замок, и роны – у них замка нет, но они тоже благородные воины.

Похоже, роны – типа наших рыцарей.

Потом пришла княжеская армия и перебила местных за измену, а многих простых жителей увели в рабство. Уцелели здесь только те, кто сумел спрятаться. Они очень рады, что замок заняли мы, из-за боязни княжеских солдат.

Минула неделя, я попросила разрешения выезжать из замка, чтобы потренировать девушек в верховой езде. Хорунжий скривился, но разрешил, предупредив: «далеко не отъезжать».

Глава 5. Труба зовёт, солдаты в поход

Глава 5. Труба зовёт, солдаты в поход

На пятый день нашего патрулирования, когда мы уже повернули к замку, встретили отряд. Прямо армия – больше двухсот человек. Командовал ими сотник, важный, в богатой черкеске с красными отворотами и газырями.

Я такое видела только в кино.

С ним пришло пополнение, человек тридцать новых ребят и девушек. Оказалось, что у них приказ: забрать у нас две обученные десятки – одну парней и одну девушек. Обученными считались те, кто прослужил в этой лакуне больше двух месяцев. Отдали, соответственно, тех, от кого хотели избавиться, в том числе и меня с моей десяткой, правда, без лошадей.

Головной отряд – шесть десятков казаков с сотником – держались особняком. Офицеры и все урядники двигались в этом отряде, землян среди них вообще не было. Все из их Лакуны.

Остальных они набирали по дороге, отдавали по тому же принципу: от кого хотели избавиться. Понятно, что люди были разные, но в основном плохо обученные.

В этом отряде я впервые увидела вооружённых местных, до этого каждый местный с оружием – был врагом.

У меня в основном были девчонки с Земли, только две из их Лакуны, да и те не из казачек. Другое дело десятка наших парней – все из их Лакуны, в основном казаки, причём несколько уже в возрасте. Да и Фёдор – их командир – далеко не мальчик. Поэтому первоначально друг к другу относились с осторожностью.

Трёх парней из десятки я учила обращаться с копьём, они и послужили неким мостиком, да и «земляки» всё же. Так что мы держались вместе, вместе попробовали определить своё положение в этом отряде.

Оказалось, что сотника – командира отряда и его двух хорунжих – присоединившиеся к ним десятки мало интересовали. Была поставлена задача: забрать и привести десятки в определённое место, но они не считали нас своими подчинёнными. Поэтому отряд разделился на несколько групп.

Головная группа из «истинных» казаков. Мы попытались пристроиться к ним. На привале Фёдор, поправив ремень, направился к их костру.

– Здорово, станичники! – начал он миролюбиво, но с достоинством. – Свои ж люди. Может, объединимся? У нас десятка опытных мужиков, да вон у Катерины девчата боевые.

Один из казаков сходил к начальству, вышел старший урядник:

– Зовут меня Аристарх Григорьевич, отвечаю за снабжение, с утра приходите получать паёк на день. Двигайтесь отдельно.

После того как солдаты из основного отряда начали приставать к моим девчонкам, я сказала Фёдору, что при движении буду «держаться подальше» от головного отряда.

Обе наши десятки начали перемещаться к хвосту отряда.

Сразу за основным отрядом двигались две десятки местных солдат, которые отнеслись к нам просто враждебно.

Дальше, приотстав, плелась сборная солянка — человек пятьдесят. Мы примкнули к ним.

Шли они не по десяткам, а как кто хотел. Десятки собирались, только для раздачи продуктов.

Двигались мы по лесной дороге. На нас начали нападать мелкие группы местных. Думаю, если бы движение отряда было хорошо организовано, то бандиты не рискнули бы нападать. Основной отряд двигался в авангарде, у них были конники – на него не нападали.

За ним тянулись остальные. И мы оказались в той части, на которую чаще всего и нападали местные бандиты. При полном бардаке в отряде, эти нападения представляли серьёзную угрозу.

Поэтому мы перешли в следующую группу, двигавшуюся на некотором отдалении.

Группа землян: десятка мужчин, которой командовал Курт, и ещё человек двенадцать, из них семь девушек.

На привале Фёдор подошёл к Курту.

Это был высокий, жилистый, мужчина – лет тридцати, с цепким взглядом. Он говорил по-русски чисто, но с тем жёстким, рубленным акцентом, какой бывает у немцев.

– Свои? – переспросил Курт, глядя сквозь Фёдора. – Я служил в Национальной народной армии ГДР. Мы знали, что такое дисциплина. А вы? – Он кивнул на наших парней, которые курили, сидя прямо на траве. – Это не солдаты. Это обоз.

Фёдор нахмурился:

– Ты полегче, немчура. Мы без твоей науки век прожили. И вообще, я слышал, ваш Вильгельм — кайзер, что ли? – давно приказал долго жить. А вы всё командуете.

Щека у Курта дёрнулась.

– Да, Вильгельм Пик умер, но он не император, он президент, – жёстко отчеканил Курт.

– А твой – кто? Пугачёв? – Он махнул рукой, давая понять, что спор пустой. – Делайте что хотите. Но рядом с моими людьми не шастать. У вас, – он покосился в сторону, где девчонки из моей десятки чистили котлы, – бабы хохочут, пацаны шастают. Нас эта вольница погубит. Получайте паёк у Аристарха и держитесь сами по себе.

Фёдор сплюнул в костёр.

– Ну и чёрт с тобой, пруссак. Сами по себе, так сами по себе.

Он развернулся и пошёл к нам. Я слышала, как он бормотал: «Ишь ты, отдельно им... Аристократы, блин. Поглядим, как ты без нас от местных отобьёшься...».

Я подошла к нему.

– Ты чего нёс? Какой император?

– А кто у них сейчас? Раньше то – император был.

– Когда раньше?

– Ну в империалистическую!

– Фёдор, это сколько времени прошло!

– Так дед, да и другие наша казаки, что станицу образовали – сразу после Гражданской с Земли ушли.

«Ни фиги, себе» – подумала я.

На следующий день на нас напали бандиты, умело и слаженно мы отбились, без потерь. Люди Курта повернулись назад к нам, бандиты бежали. Одушевлённые победой – погнались за ними, практически сразу на опушке леса наткнулись на повозку. Бандиты бросили. В замке я уже сталкивалась с волхами, они типа наших быков, только помельче. Двигались они медленно, наверно, поэтому повозку бросили.

Вечером ко мне подошла худая, светловолосая девушка из отряда Курта, на ломанном русском сказала, что её зовут Грета.

Я ответила по-немецки. Грета удивлённо вскинула брови:

– Ты говоришь? Откуда?

– Бабушка учила. – Я усмехнулась. – Думала, бесполезный язык. А вот пригодился.

Грета помолчала, глядя на огонь.

– Повезло тебе с бабушкой, – тихо сказала она. – А меня мать одна тянула, в Хемнице. Я гимназию закончила, в ГДР это было престижно. Думала, в университет пойду, буду учителем.

– И что?

– А ничего. Стена рухнула, – Грета горько усмехнулась. – Вся моя гимназия стала никому не нужна. Западные немцы пришли, свои порядки поставили. Работы нет. Дипломы наши – макулатура. Знаешь, каково это – быть нищей в богатой стране?

Я молчала.

– Я на бирже труда стояла, пособие получала. Смешные деньги. На них только хлеб и вода. А потом пришли люди, – Грета понизила голос. – Сказали: «Хочешь бороться за свободу? Есть шанс начать новую жизнь, заработать. Поедешь в экспедицию». Ну я и купилась. Думала, хоть здесь человеком стану. А стала... – она обвела руками грязный лагерь, – вот этим.

Помолчали.

– Поговори с Куртом. Вместе всё же лучше.

Посоветовалась с Фёдором, он что-то бурчал, потом выдал:

– Оно, конечно, вместе лучше, народу побольше, отбиваться легче.

Я пошла к Курту, переговорила, он, похоже, и сам был не рад ссоре. А главное увидел нас в бою.

С другой стороны, и нам пришлось в некоторой мере согласиться с его старшинством, потому что в нём чувствовался командир. В его отряде было несколько немцев, в том числе и девушек.

Общая организация на марше была никуда не годная, Курт поручил мне не только организацию, но и получение продуктов на наши десятки. Мне удалось добиться получения продуктов на три дня, а не на каждый день, как было ранее.

Помогло то, что мы захватили повозку, на ней теперь можно было везти продукты, припасы, а также выбившихся из сил.

Когда я несколько раз предупредила о готовившихся нападениях, Курт признал меня в некотором смысле ровней. Этому также способствовало, то, что ко мне проявили интерес командиры местных, которые двигались в арьергарде. Ещё в замке я выучила немного их язык и начала частично понимать местных. Кое-как мы начали координировать наши действия.

Однажды я почувствовала большую опасность, убедила Курта и руководителей местных к ней подготовиться. В результате нам удалось не только почти без потерь отбить нападения, но и убить девять нападающих, захватить пленных и две повозки, а также двух верховых лошади.

Честно говоря, мы убили из арбалетов только четверых. В это время подоспели конные местные. И двое бандитов на лошадях и пешие нам сдались, а ещё пятерых убили местные. Причём двоих, которые не успели к нам добежать сдаться.

Мужчина из местных начал знаками указывать вглубь леса, кое-как поняла там повозки. Действительно, недалеко в лесу нашли пару повозок с волхами, и ещё местных: пацана, женщин и детей.

Всего пленных было дюжина, трое мужчин, двое подростков, четыре женщины и трое детей.

Прибывший, ради такого случая один из хорунжих, предложил мужчин и подростка повесить, а женщин отдать солдатам. Я резко воспротивилась, ко мне присоединился Курт, подъехали руководители местных. Я решила поговорить с ними. С трудом удалось выяснить их мнение, они предлагали всех перебить, но особо настаивали на казни одного из мужчин, они требовали его повесить. По поводу остальных они не настаивали, решайте сами. Во мне это местный человек тоже не вызывал никаких симпатий от него исходила какая-то волна жестокости и страсти к насилию. Переговорили с Куртом, он отдал приказ, мужчину повесить. Приказ отдал, Курт, но решение принимали мы вместе, так я в первый раз решила судьбу человека.

Представитель командования требовал дальнейших репрессий. Ещё раз, внимательно осмотрев оставшихся, я предложила Курту наказать мужчин плетями. Курт сказал, что его это мало интересует, в общем, разбирайся сама.

Учитывая, настойчивость и требования хорунжего, выбрала вторую жертву, это был парень, который на мои вопросы, только ругался. Тогда я приказала заместителю Фёдора – Прохору, высечь его, добавив «чтоб ошмётки летели». Прохор мне тоже не нравился, от него также исходило чувство жестокости. Именно он вешал местного, почему я его и выбрала в экзекуторы. Тут же об этом пожалела, и о выборе экзекутора, и о своих словах, но поняла, что обратного хода нет.

Привязав парня к дереву, Прохор первым же ударом нагайки рассёк ему кожу, а потом полетели, в общем, чтобы этого не видеть, я подошла к Фёдору, но Прохору крикнула.

– Секите других, но только не до крови.

После этого я старалась не смотреть на то, что делал Прохор.

Похоже, такое наказание произвело впечатление даже на начальство, по крайней мере, оно, изобразив одобрение, ретировалось.

Второго мужика раздели по пояс и его повели к дереву, шёл он абсолютно обречённо, только раз прикрикнул на женщину, которая начала голосить. Мужик молчал, когда его отвязали, он повернулся, я увидела струйку крови, стекающую из уголка рта, видно губу прикусил, чтобы не кричать. Велела отвести его к женщине, как я поняла его жене и детям, связать, когда он оденется. Второго парень, когда его секли, орал как резанный.

Повернулась к третьему пареньку, которого уже тоже по пояс раздели. В его широко раскрытые глаза отражалась какая-то непонятная, но ужасная безысходность. Без одежды он вообще выглядел лет на двенадцать или тринадцать.

Ко мне подошла Леоати, одна из начальников местных из арьергарда, она словами и жестами попросила не сечь мальчишку, лучше она провела рукой по горлу. На таком же языке полуслов-полужестов, я показала, что не буду его ни наказывать, ни убивать. Предложила ей забрать его, – она отрицательно покачала головой.

Тогда я его отпущу, – она опять отрицательно покачала головой. Потом опять на языке полуслов-полужестов показала, что если я его отпущу, они его убьют.

Я приказала подвести его ко мне и попросила Леоати перевести, что его не будут сечь. Она сказала ему несколько фраз, после чего он опустился на одно колено, склонил передо мной голову и произнёс несколько каких-то фраз. Леоати сказала.

– Он будет служить тебе. Ты не бойся, служить верно.

В это время подошли несколько местных солдат из тех, что шли впереди нас. Увидав их, Леоати вскочила на лошадь и уехала.

Я начала разбираться с солдатами, они предложили забрать пленных. Особой радости пленные не выразили, кроме одной девицы. Мальчишка, тут же снова опустился на одно колено, глядя на меня, начал говорить. Слов я не понимала, но смысл был ясен. Я поглядела на остальных, глаза молоденькой девчонки выражали ужас, вдруг она подскочила ко мне, рухнула на колени и начала быстро говорить. Некоторые слова напоминали слова мальчишки. Она приподняла голову, поглядела мне в лицо, потом упала на землю, и зарыдала. Я подняла её за шкурку и поставила на ноги. Повернулась к местным солдатам. Девчонка спряталась за меня. Один из парней Фёдора сказал.

– Нам самим бабы пригодятся.

Ещё раз оглядела пленных. Девица постарше мне не нравилась, в общем-то, безразличен был парень, который орал, когда его секли. Я показала на них, сделала знак и сказала на местном языке, забирайте.

На деревьях остались двое, повешённый мужчина и парень, которого Прохор засёк до смерти.

Этот и следующий день, мы распределяли трофеи, в том числе и живые. Мальчишка Дагол и девчонка Веола остались при мне. Семейство и женщина с ребёнком ехали в обозе. Единственно пригрозила парням, что если они будут приставать к жене мужика, то получат взбучку от меня. В захваченных повозках оказалось несколько цепей, я приказала заковать мужика.

Ночью мне приснились те двое, висящие на дереве, я проснулась в холодном поту и поняла это знак, что я не сама по себе, а отвечаю за людей. Поэтому каждое моё решение, каждое слово должны быть взвешены.

Глава 6. Первый бой

Глава 6. Первый бой

Дагол оказался понятливым пареньком. Его так и тянуло к оружию, поэтому я поручила ему ухаживать за двумя нашими арбалетами — смазывать, проверять механизмы. Он быстро научился им пользоваться. Пусть привыкает к ответственности.

Веола тоже научилась обращаться с арбалетом. Она стала для меня настоящим открытием. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, несколько месяцев она прожила с бандитами, но по местным меркам была настоящей аристократкой. Мало того, что читала — она знала почти наизусть многие книги, местные обычаи, этикет знати — за те две недели, что мы тащились к замку Эгрото, я получила лучшее образование в этом мире. И, что ценно, она умела объяснять и донести свои знания.

Слух о нашей стычке с бандитами разнёсся быстро. К нам потянулся народ из той самой «средней» группы, что шла перед нами. Именно эта группа несла самые большие потери, от нападений бандитов. За неделю прибилося полтора десятка землян, из них шесть девушек, и дюжина местных парней во главе с крепким мужиком по имени Гуон. Вернулся даже тот парень, которого мы высекли — видимо, решил, что лучше под моим крылом, чем самому по себе.

На шестой день пути меня накрыло. Я не знаю, как это назвать — чутьё, предчувствие, но в воздухе будто запахло грозой, хотя небо было чистым. Ночью снова выли шакалы, и приснился сон: мы в горах, головной отряд входит в узкую теснину, и на него со всех сторон обрушивается смерть. А потом что-то страшное, летящее с неба, накрывает и нас.

Проснулась в поту и комом в желудке.

К вечеру седьмого дня мы подошли к гряде. Я сразу рванула в голову отряда к командиру, добралась только до урядника. Но он только отмахнулся: «Баба, чего лезешь?».

Зря старалась. Вернулась к Курту. Мы переглянулись. Он мне верил. Решили быть начеку.

А когда горная гряда сделала поворот и открылась долина, у меня внутри всё оборвалось. Это были *те самые* горы из сна. Сердце ухнуло вниз. Я метнулась к Курту, по пути перехватила Фёдора и Гуона. Сказала коротко: «Засада будет. Готовьтесь».

Мы быстро, но без лишнего шума привели в порядок две наши десятки — Курта и Фёдора. Солдаты разобрали копыя, и ускоренным шагом двинулись вперёд. За ними, чуть поодаль, мы с моей десяткой и пятью девчонками-арбалетчицами, что к нам прибились. Слева от нас, растянувшись цепью, шли местные Гуона и десятка полтора землян.

Трёх девушек и четверых парней я оставила у обоза с одним приказом: «Смотреть в оба!». И ещё приказала срочно расковать того самого пленника-мужика и раздать луки тем, кто умеет с ними обращаться. Даголу я ткнула пальцем в опушку леса, к которой мы приближались.

— Смотри туда, — сказала я ему. — Если кто шевельнётся, сразу стреляй. Ты тут за главного над мужиком и той бабой с арбалетом. — И добавила, кивнув на Веолу, которая уже деловито проверяла свой арбалет и лёгкий меч: — А она — сама по себе. Будет охранять мою повозку.

Подскакала Леоати на лошади.

— Лео, — крикнула я ей, — будьте готовы! Если что — прикрывайте правый фланг. Не лезьте в мясорубку, просто не дайте себя обойти.

Она кивнула и умчалась.

Я побежала догонять своих. Бежать с оружием тяжело, дыхание сбивается, и в голове стучит только одно: «Успеть, успеть». Я ещё не добежала, когда впереди грохнуло. Крики, лязг, ржание лошадей – звуки начинающегося ада.

Когда я, наконец, добралась до наших, картина была, как в замедленной съёмке. Солдаты из среднего отряда, что шли перед нами, в панике разбежались в разные стороны, как тараканы. За ними, хохоча и размахивая мечами и топорами, гнались всадники. Курт уже выстроил наших копейщиков. За их спинами — мои девчонки со взведёнными арбалетами.

Я встала рядом с Куртом, пытаюсь отдышаться.

– По лошадям не стрелять! — рывкнул он, заметив нас. – Лошади – трофей!

Я кивнула и скомандовала своим:

– Первая линия, целься во всадников! Залп!

Вжик! – десяток болтов ушёл в сторону приближающейся конной лавины. Несколько всадников вылетели из сёдел, ещё двое удержались, но было видно, что и в них попали.

– Первая линия, на колено! Перезаряжай! Вторая, залп!

Ещё один залп пяти девчонок довершил дело. Всадники, потеряв убитыми и ранеными добрую половину, не выдержали. Они развернули лошадей и понеслись влево, прямо на толпу местных Гуона. По полю металась испуганная лошадь без седоков.

– Копья, разворот налево! – скомандовал Курт своим. Несколько человек из десятки Фёдора бросились ловить коней.

– Девушки, беглый огонь по отступающим! – крикнула я, указывая на всадников, которые уже врезались в левый фланг.

А дальше всё закрутилось ещё быстрее. Трое всадников прорвались сквозь толпу, за ними погнались местные на трофейных лошадях.

Мы устремились вперёд. Стало ясно, что произошло с основным отрядом. Дорога подошла вплотную к горам. Авангард подошёл к завалу на дороге, из-за которого по нему начали стрелять из луков. Часть отряда пошла на штурм завала, в это время из леса их правый фланг атаковали примерно три десятка солдат. Одновременно с горы начался обстрел из луков и пращей. Два великана начали метать большие камни.

Ещё двадцать или двадцать пять всадников напали на нашу сборную солянку, следующую за головным отрядом. Разгоняя их, всадники выскочили навстречу нам.

После того как мы перебили конников, нужно было поддержать головной отряд.

Фёдор, уже верхом, махнул мне рукой и повёл свою десятку в атаку на фланговый отряд врага. Курт со своими копейщиками шёл следом, прикрывая их. Мы с Гуоном рванули в гору – к ограм, которые закидывали наш отряд камнями.

Подъём был адским. Спасибо, у меня в десятке была девчонка-альпинистка. В замке мы тренировались лазить по стенам, запаслись верёвками с «кошками». Минут десять – и мы уже наверху, на тропе, которая вела прямо к позициям врага.

Мы ползком подобрались ближе и увидели засаду. Человек десять сидели в укрытии – глядят вниз, на тропу, по которой поднимается группа Гуон. Идиоты. Они смотрели вниз и не ждали гостей сверху.

Распределили цели.

– По моей команде, – шепнула я, наводя арбалет на ближайшего. – Пли!

Это была не стрельба, а расстрел, успели сделать по два-три выстрела, прежде чем они опомнились и начали стрелять вверх. Но было поздно. Снизу уже лезли бойцы Гуона, добивая оставшихся.

Мы продвинулись дальше и вышли прямо на позицию огров. Два здоровенных мордороты, ростом метра по три, и с ними гоблины и солдаты. Мы были практически на одном уровне – начали стрелять. Огр — цель хорошая. Первый рухнул, как подкошенный. Второй, взревев от боли и ломая кусты, побежал вглубь и вверх в горы. За ним удирали гоблины и остатки солдат. Преследовать их в горах? Ну уж нет.

Сверху было видно, что конники Фёдора и десятка Курта потеснили нападающих, а подошедший арьергардный отряд местных довершили разгром.

Когда мы спустились, бой внизу уже заканчивался. Наши конники гнали остатки врага. Гуон, сияя, демонстрируя головы огра и гоблинов, которые приказал отрубить – для отчёта и устрашения. Позже в лагере целые экскурсии ходили – посмотреть на головы этих чудовищ.

Позже выяснились детали. На обоз напали. Но Дагол с Веола не подкачали. Веола, как потом рассказывали, хладнокровно уложила двоих, ещё одного Дагол, да и местный мужик и баба тоже не сплеховали, вогнали в наступающих несколько стрел. Нападавшие, потеряв шестерых своих убитыми – сбежали. Тем более, как раз подскакали местные из арьергарда.

Но потери отряда были ужасны. Авангард полёг почти наполовину. Девятнадцать убитых, больше двадцати раненых, командир ранен, хорунжий убит. Из тридцати землян и пятнадцати местных, что шли за ними, осталось чуть больше половины. Кто-то сбежал, в том числе и та наглая девица, которую мы раньше захватили.

Я смотрела на это всё: на окровавленные повязки, на стоны раненых, на трупы, сложенные в ряд, и меня вдруг пронзило: это же мой первый настоящий бой. Не стычка, не поножовщина, а самое настоящее сражение. Странное чувство – между ужасом и гордостью.

В командовании отряда царил хаос. Раненый командир и уцелевший, но деморализованный хорунжий, были не у дел. Реально всеми заправлял старший урядник Архип Григорьевич, но и он был ранен.

Арьергард местных, как всегда, встала обособлено.

У нас с Куртом было трое раненых. У тех, кто шёл с нами: двое убиты и четверо раненых, местных и землян.

У арьергардной группы местных убитых не было, только трое раненых.

Руководство основного отряда занималось своими ранеными, там же был врач.

Поэтому заваруху с остатками нашего сброда пришлось разгребать нам: Курту, мне, Гуону и Фёдору.

Когда раненых перевязали, Курт мрачно посмотрел на восьмерых дрожащих землян (поровну: четыре девки и четыре парня), которые побросали оружие в бою.

– Вешать, – коротко бросил он.

Я смотрела на этих перепуганных парней и девчонок. Да, трусы. Но вешать?

– Курт, подожди, – я взяла его за руку. – Давай не сторяча. Потери и так большие. Каждый человек на счету.

Он зло сверкнул глазами, но промолчал.

– Давай так, – предложила я. – Возьмём их под стражу. А для острастки... – я кивнула на деревья, – накидаем петель. Пусть видят. А потом решим.

Курт подумал и нехотя кивнул. На суках ближайших деревьев тут же повисли восемь верёвок с петлями. Эффект был впечатляющий: арестованные кто побелел, а кто позеленел.

Я ещё раз переговорила с Куртом, и он скрепя сердцем согласился заменить виселицу на порку.

Провинившихся раздели до пояса и высекли нагайками. Я предупредила, чтобы не до крови, но чувствительно. А потом их отвели к деревьям с петлями. Первого парня, когда его повели, пробила дрожь. Он думал, что его всё-таки вешают. Заорал благим матом, вырывался, пока не понял, что его просто привязывают за руки к ветке, оставляя стоять на земле. Но когда его запястья задрали вверх, он обмяк и потерял сознание. Психика, знаете ли.

В это время подтянулся обоз. Одна из девчонок, выскочила, упала передо мной на колени и, обхватив мои ноги, заголосила:

– Катенька, госпожа, не наказывай! Прости, Христом Богом прошу! Испугалась я, дурра! Больше не буду!

– Оружие бросила?

– Нет, я сидела под повозкой во время нападения, но арбалет наготове держала.

Я посмотрела на неё сверху вниз. Жалко. Но и спускать нельзя.

– Встань, – сказала я жёстко. – Рёвом делу не поможешь. Разберусь позже. Иди пока. От твоего поведения дальше зависит.

Она, всхлипывая, отошла.

Занялись разбором полётов. Собрали всех уцелевших десятников. Девушка-казачка Ольга, местный десятник (тот ещё тип) и мы.

Курт жёстко, чеканя каждое слово, начал:

– Значит так. Командование общее беру на себя. За невыполнение приказов – накажу лично. Это касается всех, и землян, и местных.

Он перевёл взгляд на меня и Ольгу.

– Всё девушки подчиняются Кати. Она сама назначит старших. – Он пристально посмотрел на Ольгу, проверяя, нет ли возражений. Та промолчала. – Ей же – обоз, раненые и всё трофейное хозяйство.

Потом он перевел взгляд на местных.

– Местные воины делятся на две группы. Одна десятка – как была. Остальные идут под начало Гуона. Гуон отвечает за всех местных, кроме раненых и личных людей Кати.

Местный десятник аж побагровел от злости.

– Конница. – Курт не обратил на него внимания. – Фёдор возглавляет конную десятку из наших парней. Гуон, тебе выделяется восемь лошадей для твоих людей, организуешь конную группу для разведки и охраны.

Подумал.

– Да, Кати передать двух лошадей: одну ей, одну для меня. Остальные трофеи – к Кати в обоз, на распределение.

Местный десятник дёрнулся было, но под взглядом Курта сник.

Я усмехнулась про себя. Чисто мужской подход: я, мол, командую, а ты, женщина, занимайся хозяйством. Ну-ну.

После совещания я подозвала Ольгу.

– Значит так, Ольга. Делим девок на две десятки. Я командую одной, ты другой. Ты же моя заместительница. Ещё три девушки будут при мне, вроде порученцев. – Я окинула взглядом строй.

– Себе я забираю самых слабых, – я кивнула на ту, что пряталась под повозкой, и ещё пару худеньких.

– Кто к кому хочет? — спросила я. – Формируйтесь быстро. Время не ждёт.

Девчонки зашевелились перешёптываясь. Через пять минут две десятки были готовы.

Прискакал хорунжий из передового отряда. Он ошалело посмотрел на висящие петли, на привязанных к деревьям выпоротых людей, на организованную охрану.

– Врача бы нам, – попросила я. – Раненые есть.

– У нас, у самих... – начал было он, но осёкся под моим взглядом. – Ладно, передам.

Он выслушал доклад Курта, кивнул и ускакал. Было видно, что мужик в себя ещё не пришёл. Контуженный, что ли. Или просто с непривычки. Война – это страшно.

Врач к нам так и не пришёл.

Глава 7. Второе зрение

Глава 7. Второе зрение

Я приказала Ольге собрать девушек, а сама с Фёдором и Гуоном пошла делить верховых лошадей. Их у нас было девятнадцать: две захваченные ране и семнадцать захватили сейчас. Я выбрала лошадь себе и Курту. Гуон с Фёдором начали препирательство, пришлось мне вмешаться, напомнила Гуону, что он ещё должен организовать охрану лагеря. Поэтому он, особо не возмущаясь, забрал шесть лошадей, которых я ему выделила, хотя всем своим видом изображал недовольство.

Довольный Фёдор со своими ребятами погнал лошадей к своей десятке.

Чтобы меня никто не видел, я отошла в сторону с Надей, спрятавшейся под повозкой во время нападения. Девчонка производила хорошее впечатление.

– Раздевайся до пояса, – приказала я негромко, но жёстко.

Она дёрнулась, но спорить не посмела. Стянула рубаху, обнажив худые ключицы и бледную спину в цыпках. Я сунула ей в зубы обломанную ветку:

– Закуси. Не вздумай орать.

Она зажмурилась и кивнула. Я размахнулась и вытянула её нагайкой по спине. Девчонка дернулась всем телом, ветка хрустнула, но она удержала крик в горле, только шумно выдохнула сквозь стиснутые зубы. Я дала ей секунду перевести дух и полоснула второй раз. По белой коже проступила алая полоса.

– Одевайся, – приказала я.

Пока она, трясущимися руками, натягивала рубаху, я объяснила ситуацию. Говорила спокойно, будто о погоде:

– Тебе, по уму, полагалось двадцать ударов. Сейчас ты получила два. Осталось восемнадцать. Они будут ждать тебя там, – я кивнула в сторону лагеря. – Если ты выполнишь приказ и не подведёшь меня, о них забуду. Если оплошаешь – вернёмся к разговору. Всё понятно?

– Так точно, – выдохнула она, пряча глаза.

Я приказала отвязать людей, напомнила им, что их должны были повесить. Сказала, что они теперь штрафной отряд и должны заслужить прощение. Старшими над ними назначается Надежда. Сейчас они должны похоронить убитых.

Самой ошарашенной таким назначением была Надя.

Я видела, что она на грани. Перегибать палку сейчас – значит сломать её. Поэтому я сменила гнев на милость и слегка сбавила тон:

– Иди. И не дрейфь. С тобой будет Игнат.

Я кивнула в сторону хозяйственного мужика лет сорока, который служил у Фёдора. Тот как раз заканчивал перевязывать ногу какому-то раненому. Игнат был толковый, себе на уме, но дело своё знал.

– Игнат! – позвала я. – Поможешь Надежде с организацией. Проследи, чтобы всё по-людски было.

Тот козырнул, бросив быстрый цепкий взгляд на девчонку: «Сделаем».

Через полчаса я решила проверить, как идут дела. Картина меня порадовала. Работа кипела. Часть штрафников, скинув рубахи, копали ямы под могилы – видно, страх смерти прибавил силы. Другие, кряхтя, стаскивали в кучи тела. А в стороне, под присмотром Игната, местный мужик с женой шарил по карманам убитых.

Я подошла ближе. Игнат, увидев меня, виновато развёл руками:

– Госпожа командир, я понимаю, нехорошо мёртвых обыскивать... но им-то уже всё равно. А нам, глядишь, стодится. Тут и документы, ну и мелочь, и ножи. Не пропадать же добру.

Я осмотрелась. Трупы складывали отдельно: в одну сторону – наших землян, в другую – местных, что были за нас, в третью – нападавших.

– Хоронить, как будем? — спросила я у Игната.

– наших, надо по-православному, – уверенно сказал он. – Я молитву прочитаю, сколько помню. А этих... – он кивнул на тела местных, – вон пусть Роф отпевает. – И кивнул в сторону того самого местного мужика, который шарил по карманам. Тот, услышав своё имя, скорчил кислую мину, но спорить не решился.

В этот момент со стороны леса показались двое верховых: Леоати и какой-то местный мужчина.

Леоати попросила разрешения, осмотреть погибших местных, немного поколебавшись, попросила разрешения поучаствовать в захоронении. Конечно, я дала согласие.

Я пошла, посмотреть, что с ранеными. Оказалось, что в уходе за ранеными активное участие принимали моя Веола и местная женщина, они старались не смотреть друг на друга, но какими-то репликами обменивались, и, похоже, не понтами дело ограничивалось, а по существу, вот местная что-то попросила и Веола передала ей полоску материи, кажется, бинт.

Завидев меня, Веола встрепенулась и подбежала. Её лицо, обычно бесстрастное, сейчас выражало крайнюю степень озабоченности. Она быстро затараторила на своём языке, тыча пальцем в сторону леса, потом в траву, потом на раненых. Я поняла главное: ей нужно в лес, за травами. Лекарскими травами. И срочно.

Вместе с Веолой мы нашли Гуона. Я кратко обрисовала ситуацию:

– Ей нужна тройка сопровождающих. Самых надёжных, в лес. За травами для раненых.

Она быстро начала ему что-то объяснять, он кивнул и сказал мне, что даст людей.

Когда их группа двинулась в лес, я следила за ними, вот они скрылись за деревьями. Но я их всё равно видела, не как обычно, но вижу.

Продолжая заниматься другими делами, я наблюдала за Веолой и её сопровождающими. В какой-то момент мне, показалась – в стороне от них кто мелькнул, и вдруг я поняла, что могу вытянуть этот свой «взгляд» в сторону. Такое раздвоение взгляда у меня уже было, точно, когда меня шарахнуло доской, как бы видела двор замка и одновременно Нескучный сад в Москве.

Я попыталась оглядеть лес вокруг них, у меня это получилось. Неожиданно почувствовала – неподалёку от них кто-то есть. Взгляд раздвоился, и один заскользил в сторону, но при этом оставлял какую-то, пусть и тонкую связь с Веолой.

И вдруг почувствовала – там большая группа людей.

Через пятнадцать минут десятка Фёдора со мной и пятёркой девчонок скакала в лес. На лошади Игната сидели две девочки, ещё одна – за мной, и двое – за ребятами, которые легче. Туда же выдвигался отряд Гуона.

Когда с разных сторон мы подошли к группе людей, некоторые из них схватились за оружие, трое держали в руках арбалеты и двое луки. Наше оцепление было довольно редким, у них шесть повозок, человек тридцать пять, а может, и сорок. Нас было только пятнадцать, десять на лошадях и пять девушек с арбалетами спешились.

Подъехав поближе, я сказала на местном языке, что предлагаю им сдаться в противном случае все они будут убиты, и смерть их будет очень мучительной. В данный момент меня больше всего волновали люди с арбалетами и луками. После моих слов две женщины опустили оружие: одна – арбалет, другая – лук. Но трое: женщина и молодой парнишка держали наготове арбалеты, и девушка – лук. Ещё несколько человек с решительным видом сжимали другое оружие. Я повторила: или вы сейчас сложите оружие, или пеняйте на себя, подумайте о детях, вы и их обрекаете на гибель. По-русски приказала девушкам не стрелять без приказа. Потом с пяти начала обратный отсчёт, на счёт один я подняла арбалет, женщина и девушка опустили арбалет и лук. Мальчишка, перепугано оглядываясь, продолжал держать арбалет у плеча. В какой-то момент он повернулся ко мне боком, я выстрелила, и тут же отдала команду прице-

литься. Болт ударил в арбалет, тот выстрелил, и болт улетел куда-то в лес. Болт из моего арбалета, выбив у него арбалет, соскользнул и вонзился в руку пацану, он вскрикнул. Мои девушки держали толпу на прицеле, я перезаряжала арбалет. Из леса начали подтягиваться люди Гуона. Появилась Веола с сопровождающими.

Когда я перезарядила и подняла арбалет, люди начали бросать оружие, вскоре уже все, у кого оно было, сложили оружие. Я сказала одной из женщин, чтобы она перевязала мальчишку.

Спросила, где их тягловые животные, с помощью Веолы они мне объяснили, что при бегстве солдаты угнали их лошадей и волхов.

Отправила одного верхового за тяглом.

Я велела отвести всех, кроме раненых, в лагерь. Люди начали вытягиваться в колонну, их было много, мои девчонки и люди Гуона проверяли, нет ли у них оружия.

Веола вела себя как-то странно, я отвела её в сторонку. Чтобы привести её в чувство, стегнула дерево нагайкой, так что с него снялась полоска коры. При этом у меня самой возникло ощущение, что стегнули по мне. От неожиданности я едва не вскрикнула. Обратилась к Веоле.

– При людях тебя бить нельзя, но наедине можно.

– Да, госпожа. - Испуганно сказала она. – Как Вам будет угодно, госпожа.

– Я этого захочу, если ты сейчас же не расскажешь, в чём дело.

– Госпожа, а они умрут лёгкой смертью, или их отдадут мужчинам и будут пытаться?

Сначала я не поняла.

– Чего ты несёшь?

Она непонимающе вытаращилась на меня.

– Разве Вы их не убьёте?

– Я не собираюсь их убивать и пытаться. Понятно, среди них есть твои знакомые?

Она испуганно кивнула.

– Ладно, потом разберёмся.

Из нашего лагеря привели волхов, впрягли в три повозки, остальные пришлось бросить, и мы тронулись в лагерь.

У лагеря нас встретила Леоати, она зло поглядела на Веолу. И обратилась ко мне.

– Зачем, ты привела их в лагерь, их надо было перебить в лесу.

Тут она увидела ещё и раненных в повозках, её глаза сузились, она развернула коня и ускакала.

Я позвала Гуона и Веолу, поручила им срочно разобраться с пленными. При этом предупредила Гуона, что если кто-либо из пленников пострадает, то спрашивать буду с него.

К концу дня они мне доложили, что всего захватили сорок четыре человека, из них шесть человек из знатных семей Княжества Роано, восемь – знать из Пограничья, трое раненых солдат, а также девятнадцать слуг и их детей. Из Княжества Роано – роони и придворные тана, из Пограничья – тан с двумя детьми, он ранен. Раненный мной парень – младший сын тана из Княжества.

Веола добавила, что одна служанка осталась без хозяев и один ребёнок без родителей.

Мы с Веолой пошли посмотреть, пленные группировались господа и их слуги, у господ из Пограничья слуг не было. «Бесхозные» – молодая женщина с сыном четырёх лет и девочка лет пяти. Также никому не было дела до четырёх раненых.

Я распорядилась, чтобы Веола осмотрела раненых и взяла себе в подчинение женщину, на которую возложила уход за ранеными, а также за своим сыном и девочкой-сиротой.

Попозже взяла в оборот Веолу.

– Почему Леоати злится.

Девчонка начала мне что-то ввинчивать.

– Так, или ты, сейчас же всё мне нормально расскажешь, или пеняй на себя.

Немного помолчала, потом взглянула на меня.

– Они были вместе с ограми. По указанию князя, кто был в отряде с ограми или гоблинами, должны быть казнены. А уж знатные люди в обязательном порядке.

Она испуганно смотрела на меня.

Мне хотелось сказать, что князь мне не указ. Но подумав, я ответила.

– Они не были в отряде с ограми или гоблинами. Огры и гоблины были на той стороне дороги в горах. А эти по эту сторону дороги в лесу.

Она начала.

– Но один и тот же.

Тут до неё дошло. Девочка была хорошо воспитана, но сейчас у неё открылся рот, даже челюсть отвисла. Я повернулась и пошла в лагерь.

Отношение Веолы ко мне после этого изменилось. Раньше она жалась ко мне, ища защиту, в то же время явно меня побаивалась. Теперь у неё появилось ко мне, что-то типа уважения. Изменилось и её поведение, она как бы подчёркивала, что госпожа, то есть я, не только главная, а ещё и умная. Наверно она рассказала, об этом местным потому, что и они начали смотреть на меня не только с надеждой, но и как на важную персону.

Два следующих дня мы оставались на месте.

К концу второго дня прибыл конный отряд две десятки во главе с хорунжим и ещё какие-то трое мужчин. Эти трое явно были на особом положении.

На следующий день двое из них посетили наш лагерь, всё, в том числе и пленных подробно осмотрели. Они знали местный язык.

Во время осмотра приехали Леоати и ещё один из их местных, в предыдущие два дня никто из них к нам не приезжал. Они начали убеждать вновь прибывшее начальство перебить, всех пленных, или хотя бы тех, кто принадлежит к знати. Они ссылались на то, что сотрудничавшие с ограми и гоблинами объявлены вне закона.

Моё объяснение их явно не устроило.

Я начала возражать, тем более, кроме слуг и раненных, мужчин среди пленных практически не было. Один из этих особых, его звали Эдуард, поддержал меня.

– Доберёмся до замка, там и будем решать.

Глава 8. Зуб в горном узле

Глава 8. Зуб в горном узле

Хотя мы после боя три дня были на одном месте, забот и хлопот было по горло. Тем более новые пленные больше сорока человек, их надо было разместить, кормить, а ещё охранять; разбираться с трофеями – и это всё на мою голову.

Как всегда, всё вспоминают в последний момент. После обеда на третий день нам объявили: «Завтра после завтрака выступаем». Через пару часов пришли хорунжий и старший урядник Архип Григорьевич. Хорунжий с грозным видом заявил:

– У нас много раненых, мы у вас забираем две повозки.

Проблема была в том, что на шесть повозок у нас было только три пары волхов. Понятно: забирать они собирались повозки с тяглом, и тогда у нас оставалась всего одна повозка с тяглом.

Мы, конечно, выразили своё мнение по этому поводу, и в ходе получасовой беседы, отнюдь не в доброжелательных тонах, пришли к консенсусу: мы отдаём им две повозки, но без волхов. Архип Григорьевич признался – есть две пары свободных волов – огры камнями разбили повозки.

Да хоть все три повозки забирайте – тягла-то для них нет, подумала я.

Но за это Архип Григорьевич приказал нам забрать провиант на весь оставшийся путь. Практически одна из повозок уходила под провиант.

Мужики покумекали, и кто-то из местных вспомнил про волокуши. Быстро сделали волокуши для четырёх лошадей – благо лес рядом.

Повозок было много, но не хватило тягла – волхов, одну повозку пришлось бросить. На оставшихся везли раненых, не выдержала и распорядилась посадить детей, да местные женщины, выбившиеся из сил, могли, наряду с нашими девчонками, хоть некоторое время ехали на повозках. Но в основном всё мерили ногами.

У меня была лошадь, часто уступала её девчонкам и шла пешком.

Курт командовал, а разбираться в дороге: с раздачей продуктов, кого посадить на повозки и насколько, – это всё мне. Да и куча других проблем, в частности, с пленными.

Эти четыре дня пути – вымотали окончательно. Когда от головы отряда пришло известие: «дошли», искренне обрадовалась и за себя, и за девчонок.

Хотя вид нашей цели не особо радовал глаз – скорее замок напоминал коренной гнилой зуб между двух горных хребтов.

Когда подошли ближе, стало ясно, что это не кариес, просто часть воротной башни обвалилась. Перед башней был прорыт ров, по которому протекала река, через неё был перекинут ветхий мостик, и виднелись остатки старого сгоревшего подъёмного моста.

Это был замок Эгрото – скорее пограничная крепость, закрывающая проход в Пограничье – область, через которую можно было перебраться из западной части лакуны в восточную.

Перед нашим отрядом поставили задачу восстановить замок и перекрыть переход в Пограничье. Как можете догадаться, хозяйственные работы поручили мне, в том числе и руко-

водство пленными. Это не считая командования всеми девушками – арбалетчицами, в том числе и их обучением.

Местных пленных – человек шестьдесят, в основном женщины и дети. Мужчин – дюжина. В основном – это были нормальные люди, но двое мужчин и четыре женщины оказались из знатных. Были ещё знатные из Пограничья, но их увезли в другое место, а эти были из Роана. Работать они не хотели, и их прикрывала Веола; в ответ они начали её изводить. Иногда у меня появлялось сожаление, что по отношению к ним не последовала совету Леоати.

В тот день я зашла в казарму, где держали пленных, проверить, как чистят конскую сбрую. И сразу услышала этот звук – высокий, скулящий, на грани истерики.

Веола стояла у стены, вжавшись в камень. Перед ней, развалившись на скамье, сидел молодой мужчина с холеным лицом и тонкими губами.

– ...так и знал, что в тебе течёт дурная кровь, Веола из Атталы. Бандитская подстилка. – он растягивал слова наслаждаясь. – Что, не ждала встретить здесь знакомых?

Веола молчала. Она не плакала. Она вообще, кажется, не дышала. Глаза её стали пустыми, как у тряпичной куклы.

Я подошла ближе. Сердце колотилось где-то в горле от злости.

– Работаем, – сказала я громко, стараясь, чтобы голос не дрожал. Мужчина даже не повернул головы.

– Или ты думала, что твой позор умрёт вместе с твоим родом? – продолжил он. – Ничего, когда меня выкупят, я лично прослежу, чтобы все в Аттале знали, какая у них выросла...

– Заткнись.

Я не поняла, что сказала это вслух, пока не увидела, как он, наконец поворачивается ко мне. В его взгляде было презрение, смешанное с любопытством, как у кота к мыши, которая вдруг пискнула слишком громко.

– Ты, землянка, не лезь. Это дело чести.

– Это дело скота, – отрезала я. – Веола, иди к выходу.

Она не двинулась с места. Тогда я взяла её за руку. Рука была ледяной и безжизненной.

Мужчина поднялся. Он был выше меня.

– Ты не понимаешь местных обычаев. Ей место на скотном дворе. Все знают, что с ней сделали бандиты.

Я развернулась к нему. В голове звенела пустота, а потом меня осенило. Я вспомнила разговоры Эдуарда про князя Роано, о том, что никто не хочет попадать к нему в руки.

– Ещё одно слово, – тихо сказала я, глядя ему в глаза. – И я лично попрошу отправить тебя к людям князя Роано. Говорят, у них там скучно, и они любят... новых людей для развлечений.

Мужчина побледнел, и его взгляд на миг дёрнулся, как у пойманного вора.

– Ты не посмеешь.

– Проверь.

Злость душила меня, оглядела комнату: так ещё две женщины с холёными рожами и руками. Достала свисток – свистнула. В комнату забежал парень из охраны.

– Позови Игната.

Я заметила Игната после боя, он командовал похоронами убитых. Он был мужик хозяйственный, мастер на все руки, в замке я взяла его себе помощником.

Вскоре вошёл Игнат.

– Игнат, что у тебя делают вот эти люди.

Игнат бросил взгляд на Веолу.

– Так, они вон Веолке помогают.

– Поставь их на грязную и тяжёлую работу. И следы, чтобы они выполняли всё, что ты им поручишь.

Взяла Веолу за руку и вытащила из комнаты.

История продолжилась на следующий день. Ко мне подошла Веола, начала просить за эту сволочь. – Они знатные люди, им нельзя выполнять такую работу.

Мы пошли к месту, где они должны были собирать и выносить мусор, накопившийся в комнатах.

Троица стояла у стены и ничего не делала. Подошёл Игнат.

– Игнат, что у нас делают с рабами, которые отказываются работать.

– Раздевают и порют, ещё голыми к позорному столбу привязывают.

Веола уже понимала русскую речь, я ей скомандовала – переводи. Она с ужасом перевела.

Троица завопила – не посмеете.

Одна девица гордо заявила.

– Нам лучше умереть, чем такой позор. Мы же не такие, как эта. – Она кивнула на Веолу.

Это меня взбесило окончательно.

В стене был вделан крюк, я пошептала с Игнатом. Он вышел, вскоре вернулся с верёвкой, на одном конце которой была петля. Перекинул верёвку через крюк.

Указала девице на петлю, – Суй голову, а он за верёвку потянет.

Добавила – если есть ещё желающие, подходите.

Воцарилось молчание.

Потом вторая дама пропищала, – Это подлая смерть, с благородными так нельзя.

Я достала кинжал, протянула ей рукоятку вперёд,

– На, заколи себя, или перережь горло, как у вас благородных положена.

Дама шархнула от меня. Я протянула кинжал мужику, он молчал, только губы затряслись.

– Игнат, определи им каждому его объём работ. Кто не выполнит – выпороть, а этих, если не выполнят, – указала на женщин – Отдай на ночь солдатам.

– Ага, персональный урок.

Какой урок, потом вспомнила, это как крепостным крестьянам.

Скомандовала Веоле, – Переведи.

После этого отказов от работы не было, да и Веолу они больше не доставали.

Дел выше крыши, хотя за ремонт зданий отвечала не я, а старший урядник. Но мне надо было отремонтировать и привести в порядок помещения для размещения более ста человек. Решить вопрос с их питанием. Организовать лечение раненных. Позаботиться о стойлах для животных и корме для них. Плюс учёба девчонок, да и ещё куча дел.

Началась зима, снега здесь практически не было, только высоко в горах виднелись снежные шапки. Зато зарядили дожди, благо уже немного обустроились, есть крыша над головой и запас дров.

Основную часть продуктов нам привозили, хотя часть из них попадала в замок непонятно как, обоз не приходил, а новые продукты появлялись.

В конце зимы нам привезли семена и какие-то клубни, с ними приехали несколько местных, сказали, что они покажут, как это всё сажать весной. Пригнали стадо коров и отару местных овец – кути.

Скоро конец зимы, хоть дожди прекратятся. Мы сидели с Эдуардом и ещё одним из его людей, разговаривали, он расспрашивал про подготовку девушек – арбалетчиц. Пили местную разновидность чая. Я пыталась их расспрашивать о местных обычаях, и вообще где мы находимся.

Эдуард засмеялся.

– Скоро узнаёшь, – Эдуард усмехнулся и отхлебнул из своей кружки.

Я хотела уточнить, но вдруг поймала себя на том, что его лицо... плывёт. Черты расплзались, как акварель под дождём. Я моргнула. Стало хуже: второй мужик превратился в размытое пятно. Кружка выскользнула из пальцев, горячая жидкость обожгла ногу, но боли я почти не почувствовала.

Дура, – мелькнула запоздалая, вязкая мысль. – В чужом мире не пьют с незнакомцами.

А потом ничего не помню.

Я с трудом открыла глаза. Кто-то спрашивал, как проходит процедура официального приёма князя, в главном замке яро.

Отвечали, не уверено, с паузами, как будто вспоминая, постепенно рассказ пошёл более уверенно и плавно. Неожиданно поняла, что отвечаю я, причём на местном языке, рассказываю про церемонию, о которой раньше не имела никакого понятия. Я замолчала. Эдуард сказал.

– Продолжай.

И я продолжила. Когда закончила, спросила.

– Что вы со мной сделали?

Эдуард ответил.

– Расслабься, – перебил он, заметив мой взгляд. – Жива, цела. Мы не звери, нам просто надо было вложить тебе в голову, кое-какую информацию.

– Вложили?

– Мы на каком языке сейчас разговариваем.

Действительно, свободно на местном, и про этот приём, я же про него ничего не знала. Эдуард продолжил.

– Ты же хотела побольше узнать о местных. Вот и узнала. А так немного поласкали, наложение памяти, знаешь ли, лучше всего делать, когда мозг... расслаблен.

Он пристально глядел на меня.

– А гад Тейлор забыл предупредить, что ты у нас уникал.

Я молчала, пытаюсь переварить сказанное. Расслаблен? «Немного поласкали»?

– Кто такой Тейлор?

Они переглянулись.

Меня замутило. Потом голова немного прояснилась.

– Что теперь? – голос прозвучал хрипло, словно чужой.

Эдуард сделал знак второму мужчине, тот вышел.

– А вот это, девочка, проблема. – Эдуард потёр переносицу. – По уставу, таких, как ты, изолируют. Глубоко и надолго. Но ситуация у нас... хреновая. Так что будет тебе испытательный срок.

Потом добавил.

– Хочу сразу тебя предупредить, если будет что-то не так, советоваться только со мной. Лично со мной! Никому другому ничего не рассказывай. Ты же не хочешь оказаться в изоляции.

Не знаю, что за изоляция, но кивнула.

– Пошли.

Мы шли по переходам и лестницам, это точно не замок Эгрото. В одной из комнат забрали Веолу, вид у неё тоже был ошалелый. Опять лестницы, переходы, и ещё что-то, потом, лестница вниз знакомая – это уже наш замок в Пограничье.

Дальше пошли кошмары и в прямом и переносном смысле.

Прибыли новички, как прибыли, не знаю, думаю, как мы с Веолой. Через ворота замка они не проходили. Контингент был сырой, его надо было учить и приводить в кондицию.

Гоняли их с утра до ночи, сами тоже с ног валялись, а ночью кошмары – какие-то видения мои и явно не мои, что-то из местного колорита. Вспоминала Землю, и ещё много что. Появились новые видения, поняла, что они из памяти Веолы, которая спала со мной в одной комнате, а иногда, когда было холодно или промозгло, то и в одной кровати. Прижимаясь, мы хоть немного согревали друг друга.

Веола держалась нормально, наверно жуткие воспоминания загнала в какой-то уголок мозга, только иногда ночью они прорывались. Именно так и началось, она начала стонать и метаться, я подошла, успокоила её. Вернулась к себе и заснула, тут начались кошмары.

Я видела, как убивали её родных, а она спряталась. В другой раз видела, как её насиловали, и не один раз. Теперь поняла: – она из знатного рода, боится, что произошедшее с ней послужит к бесчестью её рода. Согласно их неписаных правил, она должна была покончить с собой, но смалодушничала.

Постепенно из разрозненной мозаики начинает складываться картины, в первую очередь этого мира, но есть и земные. Кстати, после этого случая Веола гораздо лучше стала говорить на русском языке.

Глава 9. Комендант замка

Глава 9. Комендант замка

Местные лошади были довольно спокойные, но однажды одна из них укусила девчонку и словно взбесилась. Я была рядом. Попыталась её успокоить, девушки плохо знают лошадей и не заметили, что у неё стресс.

Успокоив лошадь, передала её одной из девушек, присела в пустом деннике. И опять пошли воспоминания, о моих лошадиных университетах.

После майских праздников в институте разнеслась весть, что какие-то иностранцы собираются снимать фильм про конных варваров, для чего им в массовку нужны как мужчины, так и женщины на лошадях. Они, решив сэкономить, обратились в наш Институт.

Я была на хорошем счету в конюшнях, знала английский язык, поэтому мне не составило особого труда попасть в число пятидесяти кандидаток на съёмки.

Особенно я обрадовалась, когда узнала, что с нами поедет и Светлана Николаевна, преподаватель литературы, у нас со Светланой сложились хорошие отношения.

Карпыч со своей стороны учил нас стрелять на ходу из лука и обращению с пикой на лошади.

Свободного времени совсем не было. Отобранные для участия в съёмках досрочно сдавали экзамены.

Бабушка прислала мне деньги, при переводе на доллары получилось больше трёхсот.

Мы досрочно сдали экзамены и уже в первой половине июня, чартерным рейсом вылетели в Египет. Получив ещё деньги на карманные расходы, мы несколько дней болтались в Египте, разделившись по интересам: одни к пирамидам и в музеи, другие по магазинам, на пляжи и дискотеки.

Но всё прекрасное быстро заканчивается. Постепенно нас стали перебрасывать куда-то вглубь Африки. Самолёт был небольшой, поэтому переброска заняла несколько дней. А вот что дальше?

Со Светланой нас что-то связывало. Связывало очень сильно. Я попыталась сосредоточиться и вспомнить. Но передо мной словно выростала серая, глухая стена. Попыталась её преодолеть, но не смогла, только почувствовала, что что-то ужасное.

Вернулась к реальности, весна, по земному – март, но здесь климат мягче, кое-где уже пробивается трава. Прибыло начальство – сам Эдуард, с ним ещё несколько «особых товарищей» и офицеры.

Мне велели передать дела новому хорунжему. Потом вызвал Эдуард, поздравил.

– С офицерским чином тебя, ты теперь у нас хорунжий. Познакомься, твой новый командир Роман Петрович.

По знакам различия сотник, я его практически сразу про себя стала называть РП.

Он был из их Лакуны, но не казачьей косточки – скорее, городской, интеллигентный, но с жёстким стержнем. Человек он был знающий, серьёзный, и под его началом мне служить нравилось.

Кроме меня, в подчинении РП были ещё двое хорунжих – Виктор и Серёжа. Задача перед нами стояла серьёзная: сформировать отряд и взять под контроль южный путь в Пограничье, между княжествами Соабо и Воам. А именно: найти и занять пустующие укрепления, что прикрывали этот переход.

Пограничье было гористым, вытянутым с севера на юго-восток частью лакуны. В этом месте сходились два горных хребта, в результате образовалась система ущелий, по которым можно было перебраться с западной в восточную часть лакуны.

Раньше мы торчали на северо-западе, у границы с Роано, где начинался наиболее удобный путь с запада на восток. Теперь нас перебрасывали южнее, к княжеству Соабо. Княжество Воам занимало всю восточную часть лакуны, от северных гор до реки.

Здесь, через несколько ущелий можно было добраться до яро Гоено – одного из яро княжества.

Наша новая территория раньше принадлежала одному из независимых танов Пограничья. Тот принял бой с ордой и погиб, как и многие его люди. Но горы – они хранят лучше, чем равнины. Местных здесь уцелело куда больше, чем там, где начинали мы. Правда, почти вся знать полегла вместе с таном, выжили в основном крестьяне – угрюмые, но живучие, знающие каждую тропу.

В наш отряд набрали сотню землян – парней и девчонок, конных и пеших, и полсотни местных солдат, да ещё десятка три гражданских: местных мужиков и женщин, были и дети, такие же разномастные.

Я обрадовалась, узнав, что замом у местного офицера будет Гуон. С ним мы когда-то вместе шли к Пограничью и плечом к плечу бились с ограми и гоблинами, в том самом – моём первом бою. При встрече он молча хлопнул меня по плечу и коротко улыбнулся – по-нашему, по-мужски.

– Рад, что ты здесь, – сказал он просто.

– Взаимно Гуон.

Ещё с нами отрядили двоих, парня и девушку, из личных людей Эдуарда. Они умели держать телепатическую связь с их центром в лакуне и между собой, поговаривали, могли перемещаться с места на другое место. Девушку звали Элеонора. Она была тихой, с прозрачными глазами, и от неё веяло лёгким холодком.

С отрядом шли и «мои»: Веола, Дагол и Лана. Лану я взяла к себе в прислугу по совету Веолы. Девушка она была весёлая, светлая, аккуратная – об этом решении никогда не пожалела. Её бывшие господа погибли, ей была уготована незавидная участь чернорабочей. А у меня привычная работа служанки, да и защита от приставания мужиков, и она смотрела на меня с такой благодарной преданностью, что иногда становилось неловко.

Как всегда, на меня взвалили «хозяйство»: обоз, местных, скотину – двух коров, телку и бычка, десяток кути с бараном. Уже сама набрала рассады, забрала семью местных, которые разбирались в сельском хозяйстве. У них было две дочки, одна уже подросток – помощница.

Конец марта – выступаем.

Мы шли на юг, и с каждым днём в голове у меня всё назойливее крутились мысли о прошлом и провалах в памяти. Я помнила: бабушку, наш дом, как попала в институт культуры, поездка в Африку, но только отлёт из Египта, а что было дальше, как попала в их лакуну? В тот первый лагерь, где меня встретила Даша? Где научилась так владеть мечом и копьём, что опытные бойцы только кричали? Почему перед самой лютой опасностью в ушах начинал выть волк? И откуда эти чёткие обрывки воспоминаний про асию Ри и её остроухого друга Ореэла?

Стоило мне подобраться к ответу поближе, как в голове будто вырастала серая, вязкая стена. А если пытаться пробить её силой – по вискам била тупая боль, перед глазами плыло, и тошнота подкатывала к горлу. Я решила пока не лезть. Само рассосётся – или нет?

Времени на размышление было много, ползли медленно, волхи не скаковые лошади, и даже не гужевые, кроме того, коровам и кути по дороге надо было пастись.

На десятый день втянулись в проход между горами, он начал сужаться, вот и замки, которые должны были перекрывать его с двух сторон. Один сохранился получше, он был явно обитаем. Другой разрушен.

Попробовали переговорить, в ответ вылетело несколько стрел, но явно не по нам, а как бы говоря: «Идите отсюда».

РП собрал совет, решили, что штурмовать не стоит, Элеонора подтвердила, у начальства такое же мнение.

Через день ещё один замок, но это даже не замок, а его развалины, да и ущелье он не перекрывает.

Выслали разведку, она доложила, что дальше ещё один замок, он хоть не перекрывал ущелье, но сохранился в хорошем состоянии.

В замке тоже жили местные, явно – не воинственные, когда пригрозили пойти на штурм – и тогда всех убить, они открыли ворота.

Местные десятка два с половиной, только шестеро мужиков. От них узнали, что дальше есть замок, который перекрывает ущелье, где можно выращивать что-либо и пасти скот. Решили его занять, а заодно переселить туда из замка мужиков и большую часть местных женщин и детей.

РП распорядился оставить в замке небольшой гарнизон, и двигаться дальше.

Действительно, через пару дней подошли к укреплению. Оно стояло немного в стороне от дороги, перегораживая вход в широкий распадок. Саму дорогу замок не контролировал, но зато закрывал собой удобную долину, где можно было и пасти скот, и пашню разбить. РП, осмотрев его, хмыкнул и объявил:

– Замок. Тыловая база.

И, конечно, под моё начало.

– Поздравляю, хорунжий, – РП похлопал меня по плечу. – Принимай замок – комендант.

Мне оставили четыре десятка: две копейщиков, две арбалетчиц, а также конную десятку местных. И... Элеонору, которая во время разговора бесшумной тенью стояла у стены.

– Она пока побудет с тобой. И полтора десятка гражданских. Ну и твоя троица, само собой. Забирай и тех из замка.

Ещё шесть мужиков, и дюжина женщин с детьми.

Мне оставили скот, повозку с парочкой волхов.

Баран был только один, но драчливый, он невзлюбил Дагола, уже пару раз боднул его, да и другим с ним ухо надо было держать востро.

Замок был странной конструкции. Главная стена, сложенная из дикого камня, перегораживала вход в распадок. По её краям, на скальных отрогах торчали две башни. Ворота с небольшой надвратной башенкой были сдвинуты к восточной башне. Метрах в двадцати за первой стеной начинался земляной вал с остатками частокола. Он тянулся до отрога хребта и упирался в массивное четырёхугольное сооружение – то ли башню, то ли жилой дом. Около этого сооружения были ворота в валу, для того чтобы добраться до них, нужно было пройти практически всё расстояние между стеной и валом.

За валом располагалось пепелище — сгоревшие и разобранные постройки. Видимо, местные зимой жгли дерево, чтобы не замёрзнуть. Замок был обитаем: в уцелевших углах ютились несколько семей. Они встретили нас настороженно, но без враждебности.

В первую очередь мы взялись за ворота. Починили створки, укрепили засовы. Потом добрались до вала. Внутри в каменных помещениях, было сыро и промозгло, но выбора не было — деревянные дома пришлось бы строить заново. Лана с Веолой взялись за быт, и скоро в моей комнате (бывшей кладовке, но с очагом) стало почти уютно: на полу лежала сухая трава, прикрытая тканью, в очаге весело трещали дрова, а на «столе» из ящика стояла кружка с горячим отваром.

Мы объявили местным: кто хочет жить под защитой – милости просим, работы хватит всем. Кто не хочет – свободен уйти, но если остался – работай, лодырей нам не надо. Никто не ушёл.

Через пять дней Элеонора, прикрыв свои прозрачные глаза, сообщила:

– Основной отряд вышел к границе яро Гоено. Заняли замок.

Связь у неё работала безотказно. Через три дня весть подтвердили всадники из основного отряда – пропылённые, уставшие, но довольные. Ещё через пару дней взяли второй замок. Путь в Гоено был перекрыт.

Вскоре появился и второй «особый» человек, парень по имени Костя. Они с Элеонорой колдовали в донжоне пару дней, организовали там переходную комнату – по-ихнему портал.

. Теперь мы могли с их помощью попасть в наш старый замок Эгрото, откуда начинали, и в новый, приграничный, где обосновался РП. Весть о том, что РП теперь может явиться в любой момент, заставила всех подтянуться, а меня – лишний раз проверить караулы.

Срочно подновили и укрепили лестницы к донжону.

Он появился на следующий же день. Вышел из башни, отряхивая пыль с рукава, оглядел наш «тыловой бардак», прошёлся по стенам, заглянул в кладовые. Указал на пару мелочей – брёвна для частокола надо заготовить заранее, а никогда начнут лезть, и дозорных на восточной башне менять чаще, чтобы не спали. В целом остался доволен.

– Держись, хорунжий, – буркнул он перед уходом. – Молодец.

Похвала от РП была сродни ордену.

Глава 10. Колхоз

Глава 10. Колхоз

Когда местные убедились, что мы не чокнутая орда и не бандиты с большой дороги, народ потянулся к нам. Сначала робко, по одному – выныривали из-за скал, прятались за спины детей. Потом пошли семьями. Женщины с детьми, старики, мужики, которые едва держались на ногах. Некоторые походили на скелеты, обтянутые пергаментной кожей: голод этой зимой в горах выкосил многих.

Мы делились скудным пайком, не глядя на лишние рты. Скоро гражданское население замка перевалило за полсотни и продолжало расти.

– Госпожа, – ко мне подошёл пожилой местный крестьянин, имени которого я ещё не запомнила. – Ты позволишь вон тот склон под огороды пустить? Там земля добрее.

– А воду как тянуть будешь?

– Так, цепочкой встанем, с утра по росе, – оживился он, поняв, что его не гонят.

– Добро. Организуй людей сам, с тебя и спрос.

С другой стороны, это было даже хорошо. Появились рабочие руки. Мы разбили огороды, вспахали два поля и засеяли их какими-то местными зерновыми, похожими на ячмень. Я распорядилась оборудовать несколько больших загонов для скота, чтобы зверьё не разбредалось по распадку. Наш местный «агроном» – баба, которую я привезла с собой из прежнего замка, подобрала себе помощников – развернулась. Подала дельную мысль:

– Ты, хозяйка, вели семян той травы, что по низинам растёт, пособирать. Посади там, где скот пасти будем. Она жирная, скотина с неё быстро жирок нагуляют.

– А как она называется?

– А кто ж её знает? Трава и трава. Скот ест – значит, хорошая.

Я кивнула и распорядилась собрать семян.

Меня, правда, другое беспокоило – защищённость замка. Внешняя стена была просто стеной: метров шесть в высоту, шириной наверху около метра, снизу чуть шире, чтобы не развалилась. Ворота в ней – пара створок, которые тараном можно высадить с двух ударов. Дальше шёл земляной вал, метра на два повыше стены, с частоколом из брёвен. За частоколом была дорожка – узкая, но для стрелков хватит. Ворота там покрепче, да и бойницы в частоколе имелись.

До визита РП времени было в обрез, поэтому в донжон поднялась, только провожая его. Но после того как поднялась и осмотрелась, поняла: голыми руками нас не взять.

Скала, на которой стояла башня, была практически отвесной. Если убрать лестницу, донжон превращался в неприступный улей. До самых нижних окон третьего этажа от крыши нижнего здания – метров одиннадцать, да и окна такие узкие, что человеку не пролезть. Зато из них открывался отличный сектор обстрела: весь проход между внешней стеной и валом простреливался насквозь, и почти вся территория внутри распадка тоже. В том месте, где распадок сужался, его перекрывала башня и ворота впритык к скале. Не очень большое препятствие, но штурмовать придётся под обстрелом с донжона. Пара десятков лучников могли держать под прицелом дорогу к башне. А у нас были не просто луки, а арбалеты. Серьёзный аргумент.

– Вот почему Костя портал в башне предложил оборудовать, – пробормотала я себе под нос, глядя на отвесные стены. – Умно.

За воротами ущелье расширялось, там была горная чаша – достаточно большая, чтобы пасти скот и заводить поля и огороды. Там же было несколько каменных сараев, правда, крыши у них провалились, но это поправим.

Глядя, как внизу копошатся люди на огородах, я усмехнулась. Прямо колхоз.

Когда я вслух обозвала его колхозом, девчонки-землянки из деревенских подхватили:

– А донжон тогда – правление! – засмеялась одна из них.

– Какое правление? Донжон звучит гордо, – отмахнулась я, но название «Правление» постепенно прижилось для основного нашего здания, с крыши которого лестницы вели к донжону.

Жизнь в Колхозе бурлила медленно, но верно. Мы отремонтировали крышу в каменном сарае, в одном углу держали коров и волхов, в другом отгородили закуток для кути. Наш баран, ещё с того мира, признал одного местного парнишку, ходил за ним хвостиком, определили парня в «кутиводы». Мальчишка так раздулся от важности, что даже разговаривать стал в нос.

На склонах росли деревья, мы начали потихоньку чинить частокол.

Незаметно, но уверенно в нашу жизнь вошёл Эдуард. Сначала он появлялся наездами, потом всё чаще. Вникал в каждую мелочь: сколько кормов заготовили, где инструмент точим, есть ли гвозди.

– Стрелы где сушите? — спросил он как-то, зайдя в сарай.

Я, кроме арбалетов, часть местных вооружила луками, благо нашёлся мастер по их изготовлению, а на горе росли подходящие деревья и кусты, и для древка лука, и для стрел. Проблема возникла с тетивой, но помог Эдуард.

Да заодно и небольшую кузницу организовали.

– В башне, там есть сухое помещение.

– Неправильно. В башне холодно, древко поведёт. Надо на чердаке Правления, там, где печная труба проходит – тепло и сухо.

– Придумаем, – кивнула я, отмечая про себя: мужик дело говорит.

Надо признать, его помощь оказалась как нельзя кстати. Чётко по делу, без лишней суеты.

А вскоре стало очевидно то, что поначалу лишь угадывалось в мимолётных взглядах: он ко мне равнодушен. Впрочем, и я ловила себя на приятном волнении, стоило ему войти в залу. Высокий и стройный – возвышался надо мной на полголовы, – с зелёными, цепкими глазами, которые, казалось, видели меня насквозь. Всегда подтянутый, безупречно одетый, и в этом, как я догадывалась, была немалая заслуга Ланы. Моя служанка явно питала к нему слабость: взгляд загорался, стоило ей поправить складку его камзола или стряхнуть пыль с плеча.

Наблюдала за его военной выправкой и думала: «Настоящий полковник». Даже когда он просто стоял у камина с кубком, в нём чувствовалась привычка повелевать.

Как-то раз, когда мы опять сидели в бане (уже вдвоём, и не ограничились разговорами), он сказал:

– Надо добавить тебе информации. Не только по службе, о мире в целом. А то РП рассказывает только то, что касается конкретных задач.

После этого я дня три чувствовала себя странно. То ли от информации, то ли от нас.

Эдуард нравился мне. Наверное, сыграло роль и то, что он, «большое начальство», обратил на меня внимание. Но я надеялась, что нравлюсь ему не только как удобный союзник.

Постепенно наши отношения вошли в колею: он появлялся не каждый день, но иногда оставался и на два-три дня. Почти семейная идиллия.

Группа РП тем временем росла. Через месяц его произвели в есаулы, подтянулись новые офицеры, два сотника. С подошедшими частями взяли замок у входа в проход, так что теперь мы были не на отшибе, а внутри контролируемой территории.

И у меня народу прибавилось, причём самого разного. В моём подчинении была почти сотня бойцов: земляне и местные. Кроме самого замка и долины, нам поручили патрулирова-

ние и разведку прилегающих хребтов. Мы заняли две отдельно стоящие башни на перевалах: в одной десятка землян, в другой – местных.

Народ прибавлялся, пришлось строить новые дома, благо леса хватало. Хотя я распорядилась, чтобы часть брёвен заготавливали вне замка, а то так останемся с голыми скалами.

А потом в замке появился ещё один хорунжий, Василий. РП, представляя нас друг другу, развёл руками:

– Значит так, хорунжие. Василий командует конными десятками. И землянами, и местными. Отвечает за внешние рейды, разведку, дальнейшее патрулирование. – Он повернулся ко мне. – А ты, Катерина, держишь замок, долину, обе башни на перевалах и всё гражданское хозяйство. Вопросы?

Вопросы у меня были. Мне это не понравилось. РП, кажется, тоже был не в восторге от такого двоевластия, но приказ есть приказ. Разногласий у нас с Василием пока не возникало, но напряжённость висела в воздухе, как перед грозой.

Правда, дел хватало. Потеплело, зазеленели огороды, полезла трава, которую мы посеяли для скота. Мы переехали в более просторное помещение в нашем Правлении: раньше там был натуральный холодильник из-за каменных стен, а теперь стало можно жить. В моём распоряжении оказались спальня и пара комнат рядом.

Василий мотался по окрестностям, пригонял новых местных. Некоторые приходили сами. Я начала их сортировать и решила сформировать ещё одну, а то и две боевые десятки. Мужики попадались жилистые, злые на жизнь – в бою пригодятся.

Но здесь вмешался новый фактор. Часто в замке стал появляться один из сотников – тот самый, что командовал гарнизоном во вновь захваченном замке у входа в проход. Он явно благоволил к Василию, а меня откровенно игнорировал. Здравовался сквозь зубы, на совещаниях смотрел сквозь меня.

И вот как-то утром выяснилось: сотник с Василием, не сказав мне ни слова, забрали часть моих «гражданских» мужиков, нашу пару волхов с повозкой и уволокли кучу инструментов на ремонт своего замка. А когда попытались забрать пару десятков девчонок-арбалетчиц – те взбунтовались и прибежали ко мне с рёвом.

Я пошла разбираться.

– Василий, это что за самоуправство? – спросила я, подходя к коновязи, где он седлал лошадь.

– А что такое? – он обернулся, сделав удивлённое лицо. – Людей взял по распоряжению сотника. У него арбалетчиц всего две десятки, а он держит проход. Начал восстанавливать второй замок.

– Без дела? – я повысила голос. – Это мои люди, моё хозяйство. Инструменты мои. И девушек моих ты решил в придачу захомутать?

– Девки – бойцы – отрезал он. – Сотнику нужны стрелки.

– А ты спросить не пробовал? Или мы уже не коллеги, а я так, кладовщица при замке?

– Сотник сказал – я сделал, – Василий пожал плечами и отвернулся.

– Я подчиняюсь Роману Петровичу, а не сотнику.

Он только пожал плечами и уехал.

Пришлось вызывать РП. Тот прибыл через портал, выслушал обоих, почесал затылок.

– По делу сотник прав. Укрепления нужны всем, ему на новый замок арбалетчицы нужны. Надо дать людей. Но! – он поднял палец, глядя на Василия. – Отбор кого отдать – за ней. Ещё раз самовольничаете — пойдёте руды на копях добывать, а не замки штурмовать. Усекли?

Василий кивнул, но в глазах у него плескалась холодная злоба. Сотник, который стоял рядом, даже не посмотрел в мою сторону. Только буркнул.

– Слушаюсь, – но на меня так и не взглянул.

Неприятно, да ладно. Только чувствую это не конец.

За делами время летело быстро. Лето катилось к закату, собрали урожай, сделали запасы. Кути обзавелись потомством — смешными лохматыми кутятами, которые носились по двору.

Но осадок от истории с Василием остался. Хотя его служба была вне замка, он и его люди жили в Колхозе. И с каждым днём я чувствовала: это не временное неудобство. Это мина замедленного действия.